

1

(37) январь
2018

6+

Иван- да-Марья

Литературный журнал для семейного чтения

Иван-да-Марья

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ 5

Татьяна ПЕТУХОВА

Стихи. Снежная принцесса. Сказка 6

Альбина БЕЛАЯ

Стихи. 24

Протоиерей Алексей ЛИСНЯК

*Город Выдрин и все,
кто с ним связан. Повесть* 28

Людмила МЕХЕД

Рассказы из цикла «Людские судьбы» 62

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Кристина ПАВЛЕНКО

Новогоднее чудо. Рассказ 84

Владислав САВУЛЕВ

Стихи 88

София МАСЛОВА

Как семья спасла папу. Сказка-рисунок 91

**Подписной индекс в Официальном каталоге ФГУП «Почта России» – П2123
(Синяя Обложка)**

Подписка в Онлайн: <https://podpiska.pochta.ru/press/П2123>

Адрес издателя и редакции: г. Чебоксары, ул. А. Никитина, д. 11.

*Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес:*

428012, г. Чебоксары, а/я 12;

на электронный адрес:

svetoch-pokrov@mail.ru

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Александр ВАСИЛЬЕВ

Подписку на журнал «Иван-да Марья» осуществляет **ФГУП «Почта России»**
по **Официальному каталогу ФГУП «Почта России», подписной индекс – П2123.**

Онлайн-подписка:

<https://podpiska.pochta.ru/press/П2123>

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала по территории РФ
осуществляет редакция журнала «Иван-да-Марья». Заказ можно оформить
на странице Вконтакте https://vk.com/ivan_da_m или на E-mail: svetoch-pokrov@mail.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-57090 от 03 марта 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

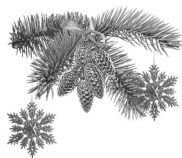
Учредитель: Некоммерческое партнёрство «Православное
издательско-просветительское объединение «Светоч».

Время подписания в печать - 8.00; по графику - 8.00. Дата выхода в свет: 16.01.2018.

Формат А5. Объём 64 стр. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии Сорокина А.В. «Новое время» г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, д. 50/1

Тираж 800 экз. Заказ № К12/ИМ2018-1

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Те, кому удаётся сохранить первую любовь и превратить её в настоящий брак, – счастливы. У меня есть среди знакомых пара со школьной скамьи. Сидели за одной партой в 9-10-м классе, потом поженились, и вот так они чистоту первого чувства сохранили. Представляете, как у них хорошо?! У них брак очень крепкий, очень сильный, потому что у них за спиной нет ни одной лишней влюблённости, нет ни одного лишнего ранящего воспоминания. Они полностью принадлежали только друг другу. Цените первую любовь, не расставайтесь с ней легко. Если думаете, что впереди ещё много всего, это не так. Накапливаются огорчения, охлаждения, чистота уходит, человек становится недоверчивым, иногда циничным. Ещё мне хотелось бы сказать о признании в любви. Очень важно, как оно происходит. Как правильно нужно признаваться в любви, какие признания бывают правильные, какие неправильные, какие настоящие, какие ложные? Вообще-то признания в любви, как ни странно, вовсе не обязательны. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, я вам расскажу одну историю, а вы посчитаете, сколько раз муж признался в любви своей половине.

Молодая семья, муж и жена, пришли в гости на день рождения. Ожидают ужин в гостиной, хозяин вышел на кухню, супругу заинтересовалась какой-то вазочкой, как женщины любят посмотреть что-то красивое, неудачно задевает эту вазу, ваза падает и разбивается. Прибегает взволнованный хозяин: «Что случилось? О-о, моя любимая ваза!» И вдруг муж горячо говорит: «Простите нас, простите, мы, к сожалению, разбили вашу вазу, мы сейчас всё склеим, всё соберём, ну, простите нас». Хозяин сокрушается: «Ну, как тут склеишь, всё бесполезно». И муж ещё раз просит: «Простите нас. Мы или склеим, или купим похожую. Мы всё уберём. То есть я всё подмету, мы всё сделаем. Не сердитесь». Сколько раз прозвучало признание в любви? Услышали? Пока он извинялся за неё перед хозяином, сколько раз он сказал «мы»? Виновата жена, но муж говорит «мы», жена каждый раз слышит, что он взял всю вину на себя. То есть он не отрёкся от жены, он говорит, что мы разбили, нас простите, и жена всем сердцем чувствует, чтобы ни случилось, он всегда её защитит, он всегда возьмёт на себя ответственность. Вот это признание настоящее и есть. Но его не всегда слышат.

Проза и поэзия

ТАТЬЯНА ПЕТУХОВА

Коренная вологжанка, родилась 3 февраля 1942 года. Образование – средне-техническое, работала куратором по Вологодской области в ЦНТИ (Центр научно-технической информации и пропаганды). 15 лет возглавляла бюро рационализации, патентования и технической информации на Вологодском станкозаводе. Стихи начала писать ещё в школьные годы. Автор 15 книг для детей. Первая книга «Солнышко» была издана в 1982 году. Поэт Сергей Викулов, главный редактор журнала «Наш современник» (1969–1989 гг.), сказал о книге «Солнышко», что «действительно от неё исходит так же много света и тепла, как от солнышка».

СНЕГ РОДИЛСЯ!

Я распахиваю двери
И глазам своим – не верю!
Красота какая! Ух!
Кру́жит белый снежный пух.

Двор, тропинки, всё в снегу.
Снег идёт, а я бегу-у-у!
– Догоняй, – кричит Олег, –
Снег родился, первый снег!

Я за ним бегу... бегу...
Ждут друзья на берегу.
Наконец-то к нам сама
Русская пришла зима.

Снег руками ловим мы.
В день Рождения зимы
Веселится детвора,
Радостно кричит: «Ура-а-а!!!»

ВСЕГДА Я РЯДОМ, МАМА!

*Посвящается памяти сына –
16 декабря день рождения*

В декабрьский тёмный вечер
Сижу одна, и скорбь на плечи
Мне опустилась уж давно.
Я плачу и смотрю в окно.
Ищу среди звёзд я образ сына –
Печальная, унылая картина.
И вдруг на небе звёздный огонёк
всех ярче засиял, как будто мой сынок
Поклон оттуда посылает...
Как прежде, нежно обнимает,
Спокойно смотрит мне в глаза;
И благодатная слеза
Упала в сердце прямо:
– Всегда я рядом, мама!

ЗИМУШКА-ЗИМА

Взмахнула пышным рукавом
Волшебница зима,
И засверкала серебром
Снежинок бахроме.
И первый снег, – он белый, чистый, –
Кружась, как бабочка, порхал.
Одеялом белым и пушистым
Он тихо землю укрывал.

Покрыты мягкими снегами
Кусты, деревья и дома;
Как белоснежными шарфами,
Их всех укутала зима.
В наряде белом – древний город...
Усталые расправив плечи,
Он стал красив, он снова молод,
Он радуется встрече!

РОЖДЕСТВО

Сердце ликует,
в душе – торжество!
Множество лет
величать Рождество.
Великая радость,
не сдержать даже слёз!
Ради людей
родился Христос.
В Царстве Небесном
ликуют святые,
И Богородице Деве Марии
Песнь: «Аллилуйя!»
несётся до звёзд,
Родился Спаситель,
родился Христос!
Праздник любви,
праздник добра;
И православный народ до утра,
Свечу возжигая,
стоит у креста
И прославляет рожденье Христа!

СНЕЖНАЯ ПРИНЦЕССА

Сказка

Часть I

В этом году, как никогда, затянулась осень. Было зябко и тоскливо. Листья с деревьев облетели, и они, постаревшие, давно уже мокли на земле; лил мелкий назойливый дождь. Деревья сиротливо ёжились под холодным пронизывающим ветром, и везде было сыро и неудобно; и казалось, что весь город уже промок насквозь; и у всех было от этой непогоды серое настроение, а зимы всё не было и не было.

Ребятишки сидели по домам, и было у них самое-пресамое заветное желание – поваляться в снегу.

И вот, наконец, глубокой ночью выпал долгожданный первый снег. Снег родился! Первый снег! Нет! Невозможно усидеть дома в такой день. Все высыпали на улицу: и стар, и млад...

Каждую зиму детвора обязательно лепила Деда Снеговика. Снеговик до весны степенно стоял посреди двора, горделиво задрав свой морковный нос.

Однажды, когда у него нос-морковку стащили зайцы, дети решили подарить Снеговика новому нос – еловый, но Снеговик не принял этот подарок и тряс своей снежной головой до тех пор, пока вновь не украсил его голову оранжевый нос-морковка.

В эту зиму было решено слепить для снежного деда маленьких внучат, и чем больше, тем лучше, пусть не скучают. Сказано – сделано, и вот появились пять пухленьких снеговичков-толстячков, мал-мала меньше. Дети, усталые, но довольные, разошлись по домам.

Никого уже не осталось во дворе, и только маленькая девочка, напевая песенку, лепила настойчиво снежную фигурку. У девочки замерзли руки, но она продолжала лепить, она лепила Снежную Принцессу и что-то напевала.

Ах, как прекрасна была эта Снежная Принцесса!

Особенно хороши на бледном лице были глаза: синие, блестящие, и было почти незаметно, что это пуговицы; а чёрные ресницы, сделанные из маленьких веточек, делали васильковые глаза ещё прекраснее и таинственней. Алый маленький рот был разрисован губной помадой. Головку принцессы украшал маленький венчик, похожий на корону, а сзади развевался на ветру белый и тонкий тюль, словно свадебная фата. Принцесса улыбалась, но казалась почему-то печальной и одинокой.

Картина
Галы
АСТАПОВОЙ
«Тройка»

Наступил вечер, луна мягким жёлтым светом осветила всё вокруг. Девочка, кружась, подбрасывала снежинки, они искрились под лунным светом и медленно падали на землю.

Подбежав к принцессе, девочка крепко-крепко её обняла, нежно поцеловала, шепнула: «Не скучай!» – и побежала домой.

Ночь бережно укутала древний город синим покрывалом, свет в окнах погас, всё вокруг замерло, звенящую тишину изредка нарушал чей-то скрип шагов, но потом всё смолкло, стало тихо-тихо... Город спал...

И... вдруг в тишине раздался резкий свист – это свистел дед Снеговик. Пять толстячков-снеговичков тут же примчались к своему деду, и началась азартная игра в снежки. Мудрый Снеговик, добродушно посматривая на внучат, старательно разгребал лопатой снег около дома.

– Деда, а деда, – тормошил его самый маленький снеговичок, – пойдём покатаемся на горе, а?

– Не годится бросать начатое дело, – наставительно отвечал он.

– А если мы тебе поможем, тогда пойдёшь? – упрашивали малыши.

Снеговик, прищурившись, тряхнул головой и воскликнул:

– Тогда непременно прокачусь.

О! Сколько было радости и восторга у детворы, когда они, закончив работу, с визгом помчались вниз с горы.

– Э-э-эх! – восторженно кричал дед. Он мчался впереди «паровозика», уткнулся носом прямо в сугроб, бодро вскочил, но тут же, охнув, схватился за поясницу. Отошёл в сторонку и вдруг, неожиданно для себя, увидел... прекрасную принцессу.

– Разрешите познакомиться, – галантно поклонившись, сказал Снеговик, – я самый старший в этом дворе, а на горке – мои внучата. Хотите покататься с ними?

– Нет, – с печальной улыбкой отвечала принцесса, – что-то не хочется. Мне почему-то грустно.

– Не надо печалиться, всё будет хорошо, – утешал её Снеговик. – Вы знаете, – продолжал он, – однажды у меня было тоже весьма кислое настроение, но мне повезло: как раз в это время над нашим городом пролетал Белый Принц...

– Белый Принц?! – ахнула принцесса, её сердечко вдруг забилося часто-часто. – Дедушка, милый дедушка, расскажите, – попросила она, – расскажите мне ... всё-всё о принце!

Снеговик задумался, посмотрел на небо и неторопливо стал рассказывать.

Часть II

– Белый Принц – повелитель снегов. Он управляет всеми снежными облаками. У него есть помощница – Ветряночка, внучка Западного Ветра. Когда наступает зима, дел у них предостаточно. Необходимо, как можно лучше, укрыть всю землю толстым снежным покровом, белым одеялом, а иначе налетит злой Холодей с северным ветром и выстудит всё вокруг.

– Дедушка, мне страшно, – прошептала испуганно принцесса.

– Да, – вздохнул дед, – это очень даже страшно! Холодей покроет всю землю ледяным панцирем, и будет здесь край вечной мерзлоты и холода. Без снега погибнут корни деревьев и растений. Весной не будет листьев на деревьях, цветов на лугах, замолкнут птицы навсегда и прекрасная земля опустеет.

– Нет! – воскликнула принцесса. – Белый Принц не допустит этого, я чувствую, я уверена, у него благородное сердце. Как жаль, что я не смогу его увидеть никогда. Но, дедушка, Вы не рассказали, как же Вам повезло, когда у Вас было кислое настроение.

Дед помолчал немного и стал рассказывать:

– Как-то раз зайцы стащили у меня нос-морковку. Я так огорчился, что просто не знал, что и делать, и вдруг вижу: низко-низко опустилось облако и по шёлковой лестнице с него сбегает девчонка и подходит ко мне.

– Это была Ветряночка? – спросила принцесса.

– Ветряночка, – подтвердил Снеговик, улыбаясь. – Озорница! Она и смешила меня, и щекотала, но всё напрасно, и тогда ко мне подошёл юноша в белой одежде.

Принцесса, широко раскрыв глаза и затаив дыхание, слушала Снеговика.

– Принц был в блестящей накидке, на ней сверкали звёзды невиданной красоты и излучали какой-то удивительно мягкий свет – это был...

– Белый Принц! – закричали снеговички, они уже давно слушали любимого деда.

– Да, – продолжал Снеговик, – это был он. Принц почтительно поклонился мне и вдруг предложил полетать вместе с ним. Я согласился.

– О! Какой это был полёт! – вспоминал дед. – Я и Белый Принц летели высоко на облаках, а верная его помощница Ветряночка умело управляла полётом. А я... забыл все свои неудачи, летел над спящим городом, летел и пел от восторга.

– Так-так, – кто-то неожиданно прервал деда, – значит, один летал, без меня?

Снеговик резко оглянулся и развёл руками.

– Вот это да! – растерянно вымолвил он, – Снежная Баба! Родная, ты откуда?

– Откуда-откуда?.. – лукаво передразнила Снежная Баба. – С соседнего двора, вот откуда, а ты что – не рад, а?

– Ну что ты, что ты... – всполошился дед. – Я очень рад! Ведь мы не виделись с прошлой зимы и вот наконец-то встретились.

– Бабушка-ненаглядушка, – обнимали Снежную Бабу внучата. – А что ты нам принесла?

Бабушка нежно обнимала снеговичков.

– Сладенькие мои, родненькие, исхудали-то как без меня, – вздыхала она, щедро раздавая внукам сосульки-леденцы.

Внуки, получив леденцы, довольнёншеньки, снова помчались на горку, только их и видели.

– Как хорошо, что ты пришла, – жалобно постанывал дед. – Охо-хо! – вздыхал он. – Радикулит-то совсем меня измучил, только ты одна на белом свете и пожалеешь меня.

– Что-то ты без меня совсем расклеился, – озабоченно вздохнула Снежная Баба. Ничего, не волнуйся, – продолжала она бодрым докторским голосом, – подлечу тебя, будешь бегать, как молодой. А это ещё кто? – изумилась она, заметив Снежную Принцессу.

– А... я, – робко прошептала принцесса, – новенькая на вашем дворе, но, уверяю Вас, никому не желаю зла и буду дружить со всеми. Бабушка, разрешите остаться.

Широкое белое лицо Снежной Бабы так и расцвело от доброй улыбки:

– Да кто тебя гонит, девонька, места всем хватит, – и, повернувшись к Снеговому, тихо добавила: – Смотри, береги её, никому не давай в обиду! – и вдруг всплеснула руками: батюшки, времечко-то как быстро пробежало, уже светает. Подавай сигнал!.. – скомандовала она деду. – Нужно до рассвета успеть всем занять свои места.

Снеговик засвистел, все разбежались и замерли.

Часть III

Наступило утро нового дня.

Раньше всех на дворе появилась маленькая девочка. Она прижалась щекой к принцессе и замерла, потом долго-долго шептала ей нежные слова и убежала домой.

Весь день, мечтательно улыбаясь, Снежная Принцесса думала о Белом Принце. Снеговик издали тревожно посматривал на неё и замечал, как она становилась всё печальней и печальней.

Целый день добрый Снеговик размышлял о том, как устроить встречу принца с принцессой. Думал, думал..., но так ничего и не придумал.

А тем временем вновь засияли вечерние звезды, и опять волшебная зимняя ночь опустилась над тихой землёй. И всё повторилось сначала: примчалась Снежная Баба, снеговички с весёлым гамом катались с горы, Снеговик разгребал снег, а принцесса, помогая ему, всё расспрашивала его о Белом Принце. Снеговик утешал грустную принцессу, говоря ей, что она обязательно когда-нибудь встретит Белого Принца.

– Положитесь на меня, – загадочно улыбаясь, вдруг заявила Снежная Баба, – уж кто-кто, а я-то знаю, как поступить.

Она позвала к себе внучат, что-то тихо им шепнула, сорванцы засмеялись, закивали головами, соглашаясь с бабушкой, и снова помчались на гору. Снеговик, ничего не понимая, растерянно улыбался.

Прошёл час... другой, и вдруг Снеговика неожиданно кто-то крепко обнял.

– Дедуля, здравствуй – это я, ты меня помнишь?

– Ветряночка?! – радостно вскрикнул Снеговик. – Неужели это ты? Умница моя, не забыла меня, старика. А Белый Принц, надеюсь, здоров?! – допытывался старик у Ветряночки.

– Жив-здоров! – торопливо отвечала она и помчалась к ледяной горке. Озорная девчонка больше всего на свете любила прокатиться с горы.

Накатавшись, Ветряночка собралась подняться по шёлковой лестнице. Но тут её окружили тесным кольцом снеговички и так горячо убеждали прокатиться с горы в самый-самый последний разок, что Ветряночка заигралась с ними, забыв всё на свете и то, что её ждёт Белый Принц.

А Снежная Баба, довольнешенько улыбаясь, ждала, когда же, наконец, появится здесь сам Белый Принц – это она подговорила внучат задержать здесь как можно дольше Ветряночку – и ... дождалась.

Мягко ступая по снегу, на дворе появился Белый Принц. От неожиданности Снеговик даже приоткрыл рот, а Снежная Баба, победно глянув на деда, вдруг подмигнула, как бы говоря: этот сюрприз приготовила я.

Принц, галантно поклонившись Снеговику, сказал:

– Очень рад Вас видеть, уважаемый. И Вас тоже, – улыбнулся он Снежной Бабе. – Я пришёл за Ветряночкой, пора уже в путь, а её всё нет и нет.

– Да пусть порезвится, – добродушно сказал Снеговик и, показывая на Снежную Принцессу, добавил: – Разрешите Вас познакомить.

Увидев Снежную Принцессу, принц застыл на месте и тихо промолвил:

– Как Вы прекрасны!

Принцесса трепетно глянула на него, побледнела и прошептала дрожащим от волнения голосом:

– Я знала, что обязательно встречу Вас.

– И, смущенно опустив ресницы, чуть слышно продолжала: – Я Вас так ждала, Белый Принц!

– Меня?! – удивлённо переспросил он.

– Но Вы меня даже не знаете!

– Нет-нет! Она всё про Вас знает, всё! – в один голос воскликнули дед и Снежная Баба.

Принцесса, улыбаясь, кивнула головой.

– Хотите полетать со мной? – предложил ей принц.

Ни слова не говоря, она подала ему руку, и вот они, не замечая никого вокруг, медленно подошли к шёлковой лестнице, а вслед за ними бежала озорница Ветряночка.

Через несколько мгновений белые облака уже мягко и плавно плыли в звёздном океане. Месяц чудесным голубым сиянием освещал им путь, оранжевые звёзды мягко светились и переливались удивительным сказочным светом. Белому Принцу и Снежной Принцессе вместе было так хорошо, как будто они знали друг друга всю жизнь. Они играли в прятки с Лунной и любовались небесными созвездиями. Расшалившись, бросились за

руки и прыгали с одного облака на другое, а озорная Ветряночка, подкравшись, разгоняла облака, и они, как белоснежные кони, уносили принца и принцессу вдаль и возвращались снова.

Когда они возвратились на землю, счастливая принцесса, напевая, закружилась в танце, принц подхватил её, и они закружились вместе.

Ах, какая это была волшебная ночь! Но вот звёзды стали бледнеть, приближался рассвет.

Прощаясь с принцессой, Белый Принц подарил ей на память ожерелье, оранжевые бусинки которого были очень похожи на маленькие звёздочки. Снежная Принцесса с благодарной улыбкой смотрела на принца, он что-то тихо сказал ей и, повернувшись ко всем, поклонился:

– До свидания, друзья мои! Нам с Ветряночкой придётся улететь денька на два за снежными облаками, ждите нас.

И он с нежной улыбкой посмотрел на принцессу.

– Прилетайте скорей, – едва слышно сказала она и долго-долго махала им вслед.

Наступило утро, доброе, славное утро, утро надежд! Весь день Снежная Принцесса опять и опять вспоминала чудесный ночной полёт, Белого Принца. И, улыбаясь, мечтала о будущей встрече.

Казалось, ничего не предвещало беды, но это только казалось – беда была рядом.

Часть IV

Непогода закапризничала, заморосил дождь, а вечером, как голодный цепной пёс, на город внезапно налетел колючий Северный Ветер.

Ветер неистовствовал, он раскачивал деревья со страшной силой. Под таким натиском ветра бедные деревья уже безропотно били поклоны до самой земли: только бы выстоять, только бы не упасть.

Ветер дико завывал, гремел по крышам, и от этого жуткого воя, в котором слышалось злое торжество, всем становилось не по себе.

На улицы опустилась тьма. Ветер начал стихать, его вой становился всё глуше. И вот, как бы собрав последние силы, Северный Ветер ещё раз покружил по улицам города, покружил, вдруг напоследок жалобно заскулил и затих, точно свернулся в клубок, преданно ожидая своего хозяина.

Вслед за ветром на незащитный город напал Холодей. Холод сковал намертво землю, покрыл её ледяным панцирем. На ветвях застыли дождевые капли, они жалобно звенели, точно ледяные колокольчики. Их печальный пугающий звон далеко раздавался в тишине.

Страх овладел всеми. Снежная Принцесса, испуганно озираясь, тихо подошла к Снеговика.

– Дедушка, – едва слышно прошептала она, – что-то случилось, да?

Дед нахмурил белые брови, тяжело вздохнул:

– Беда пришла, большая беда! Будем держаться вместе, иначе пропадём.

Не дожидаясь условного сигнала, с соседнего двора примчалась Снежная Баба, крепко прижала к себе внучат. Все понимали: произошло что-то ужасное. Спокойным твёрдым тоном Снеговик приказал всем спрятаться.

А тем временем на синем коне в город въезжал сам Холодей в окружении верных слуг-холодейчиков. Холодейчики были похожи на острые сосульки, они были в синих плащах и в остроугольных шлемах, а в руках каждого была острая ледяная пика. Их властелин, Холодей, тоже был одет во всё синее. «Синий цвет – мой любимый цвет, – любил говорить он. – Мне нравится, когда от холода синеют».

Холодей был неопределённого возраста: не стар и не молод. Вытянутая голова его была совершенно без волос. Белое узкое лицо было бы похоже на застывшую маску, если бы не пронзительный взгляд маленьких глазбуравчиков, которых почти не видно из-за нависших бровей-сосуллек. Непомерно длинный нос свисал над тонкой щелью рта, а вместо бороды в разные стороны торчали длинные сосульки. Тихий голос Холодея, напоминающий шипящий свист, вызывал у всех страх.

Маленькие холодеи чётким строевым шагом шли и шли по тёмным улицам города, выполняя строгий приказ своего господина не оставлять в городе даже самой маленькой снежинки и превратить этот край в страну вечной мерзлоты. И холодеи, выдували и подметали, старались во всю, они сметали и убирали снег повсюду, не пропуская ни одной улицы, ни одного двора.

Дед Снеговик надеялся, что холодеи не заглянут к ним во двор, и они все будут спасены, но как раз в это время из-за туч выглянула луна и осветила двор.

– О! – торжествующе закричал один из холодеев. – Смотрите, да здесь целое снежное семейство. Холодей, вперёд, за мной!

Забили барабаны, и холодеи с ледяными пиками наперевес, злобно ухмыляясь, вошли во двор. Они подходили всё ближе и ближе. Ещё секунда, и холодеи в один миг раскидают ненавистные им снежные фигуры, но напрасно надеялись они на лёгкую победу.

Снеговички-толстячки отважно бросались прямо под ноги холодеям, те падали и разбивались на мелкие ледышки, но холодеев было много, они наступали и наступали.

Отчаянно защищая своих внучат, Снежная Баба размахивала своей метлой, как саблей, и холодеи отлетали от неё то влево, то вправо.

– Не сдаваться! – командовал дед и прямо на холодеев вдруг катнул огромный снежный ком. Немало полегло врагов, от них остались лишь ледяные осколки, но на их место вставали другие холодеи, их было видимо-невидимо, и старый Снеговик, к сожалению, уже не мог им противостоять.

Услышав крики, во двор заглянул сам Холодей.

Часть V

– Что за шум? – поморщился Холодей, посмотрел презрительно на своих слуг и повелел: – Раскидать, убрать до единой снежинки!

– Вы не посмеете! – крикнула гневно Снежная Принцесса, – Вы... злодей... злодей! Вот вы кто!

Даже не взглянув на неё, Холодей прошипел вновь:

– Раскидать и убрать!

От гнева у принцессы засверкали глаза, она бесстрашно смотрела на Холодея и закричала ему в лицо:

– Сейчас сюда прилетит Белый Принц, тогда вам не поздоровится.

– Кто? – угрожающе переспросил Холодей. – Белый Принц?

– Да! Да! Белый Принц, – кричала она.

Напрасно Снеговик делал ей предостерегающие знаки, чтобы она молчала, неосторожные слова уже слетели с её уст, но откуда было знать Снежной Принцессе, как Холодей ненавидел Белого Принца – повелителя снегов. Защищая землю, принц укрывал её от холодов толстым снежным покровом и этим самым не давал Холодею совершить зло. Холодей давно искал случая расправиться с Белым Принцем, услышав только его имя, он приходил в дикую ярость; но пока принц летал высоко на облаках, он для Холодея был недоступен; но здесь, на земле, наконец-то принц будет в его власти.

– Так-так, значит, Белый Принц прилетит сюда? – вкрадчиво спросил Холодей Снежную Принцессу и уставил на неё немигающий взгляд.

Бедная принцесса! Она только сейчас поняла, какую беду навлекла на своего друга.

Холодей грубо схватил её за руку и угрожающе прошипел:

– Отвечай, кому говорю, отвечай! Ну!

– Нет! – твёрдо ответила она. – Ни за что!

Холодей, прищурившись, просвистел сквозь зубы:

– Ты ещё пожалеешь, Снежная Кукла, – и раздражённо приказал: – Взять всех в плен!

Пленников связали и под конвоем повели в Синее Королевство Холодея. Принцесса молча глотала слёзы, сердце её готово было разорваться от тоски и печали.

– Не печалься, милая, всё образуется, – утешала её Снежная Баба.

Утешала, а сама потихоньку горестно вздыхала и с тревогой посматривала на Снеговика – измученный, он еле переставлял ноги – что их ждёт впереди, что?

Вспоминая принца, Снежная Принцесса украдкой гладила ожерелье, и вдруг в её памяти всплыли его слова: «Может так случиться, нам придётся искать друг друга, вот тогда нам поможет это волшебное ожерелье, для этого достаточно только разорвать нить».

Принцесса тут же разорвала ниточку ожерелья, и оранжевые бусинки рассыпались, засверкали на снегу.

Холодеи бросились их собирать, но сверкающие бусинки-звёздочки одна за другой с мелодичным звоном медленно взлетали в чёрный небосвод и там засияли яркими оранжевыми звёздами, обозначив Млечный путь, не хватало лишь одной звёздочки. Маленькая бусинка незаметно закатилась за куст. Куст бережно укрыл её от посторонних глаз. Все изумлённо смотрели вверх, ничего не понимая, лишь принцесса знала разгадку ожерелья, она улыбалась, она верила: теперь Белый Принц её обязательно найдёт.

– Поторапливайтесь, светает, – глухо произнес Холодей, и все молча двинулись по направлению к Синему Королевству.

Город медленно пробуждался после тяжёлого сна. Никого не радовало серое утро, ощущалось какое-то непонятное беспокойство. По пустынным улицам рыскал порывистый ветер, и везде было царство льда и холода.

Маленькая девочка долго искала Снежную Принцессу, но напрасно она заглядывала в каждый уголок, в каждую щёлочку – принцесса исчезла. Весь день девочка безутешно плакала, её горе было велико.

– Мы тебе новую слепим принцессу, – утешали её родные.

– Нет! Не надо мне другой, не надо! – заливалась слезами девочка. – Я люблю только её!

До самого вечера, пока не стемнело, девочка не отходила от окна, пристально глядя в даль, но двор был пуст. Город поглотила темнота, наступила ночь.

Белый Принц и Ветряночка, едва ступив на землю, поняли: их друзья попали в беду. Обыскав весь двор несколько раз, заглядывая повсюду, они не нашли никого. Они уже решили улетать и вернуться завтра, чтобы продолжить поиски, как вдруг Ветряночка заметила под кустом маленькую

бусинку. Она подняла её, протянула принцу, и он сразу узнал бусинку из ожерелья Снежной Принцессы, а бусинка-звёздочка тут же начала медленно подниматься в небо, туда, где было её созвездие, и Млечный путь засиял ещё ярче. Белый Принц понял, где искать теперь принцессу.

Часть VI

Холодей раздумал идти в Синее Королевство. Покинув город, он приказал устроить привал. «Здесь, – размышлял он, – я приготовлю для Белого Принца ловушку, ведь он такой благородный. Он обязательно будет искать своих друзей. Прилетит, и вот тогда, – усмехнулся Холодей, – я разделаюсь с ним, а потом вернусь в город и всё превращу там в царство льда!»

Слуги-холодеи соорудили высокий трон из ледяных глыб и заботливо помогли забраться на него своему повелителю.

Важно восседая на троне, Холодей повелел привести к нему Снежную Принцессу. И вот её, измученную, подвели к трону; от сильного толчка в спину она споткнулась и упала перед Холодеем на колени. Слуги захохотали, потешаясь над ней, а их грозный властелин уставил на принцессу неподвижный взгляд и произнёс дребезжащим голосом:

– Мне нравится твоё смирение, – и, погрозив, добавил: – Вот так-то оно лучше. Милочка! Если сможешь мне поймать принца, то...

Но принцесса не дала ему договорить.

– Нет! – возмущенно крикнула она, – Никогда! Ни за что!

Холодея охватила ярость, но, надеясь убедить принцессу, он скривил рот в ласковую улыбку.

– Слушай меня внимательно, – сказал он, медленно выговаривая каждое слово, – сможешь – тебя ждет свобода, а если нет – тогда берегись, Снежная Кукла!

Принцесса молчала. Напрасно Холодей угрожал ей, обещая подарки, обещая исполнить всё, что она пожелает, принцесса неизменно повторяла только одно: «Нет! Нет!»

Не зная, как помочь, дед и Снежная Баба издали смотрели на неё с грустным участием и ещё крепче прижимали к себе испуганных внучат.

Один из слуг, угодливо хихикая, что-то прошептал Холодею, тот одобрительно кивнул головой и повелительным жестом указал на остальных пленников.

Слуги тотчас же привели их.

– Ну? – нетерпеливо закричал Холодей. – А вы что знаете о Белом Принце?

– Да мы никогда и не слышали о нём, – поспешно за всех ответил Снеговик. – А кто такой Белый Принц? Откуда он? – простодушно спросил он, хлопая глазами.

Холодей подозрительно глянул на него.

– Ты мне простачком-то не прикидывайся! Не надо! В последний раз спрашиваю, – допытывался он, метнув на всех острый взгляд, – отвечайте немедленно! Кому говорю, ну?!

Пленники молчали. И тогда Холодей, уже не сдерживая себя, завопил:

– Я не понимаю! Не понимаю! Ну, почему, почему вы все оберегаете принца? Вам-то какое дело до него? Пройдёт зима, и останутся от вас только грязные лужи, и никто, слышите, никто не вспомнит о вас!

– Неправда! – воскликнула принцесса. – Меня маленькая девочка никогда не забудет! Никогда!

– А нас? – заволновались маленькие снеговички, обращаясь к деду. – Нас не забудут дети, нет?

– Нет! Не забудут, – убеждённо ответил он.

– Кого любят, того не забывают! – добавила бабушка и ласково посмотрела на своих внучат.

– Кого любят, того не забывают, – несколько раз, как заклинание, повторил Маленький Холодейчик и о чём-то задумался.

Снеговики, пританцовывая, радостно приговаривали:

– Не забудут! Не забудут!

– Ишь, разговорились, – сердито оборвал их Холодей. – Забудут – не забудут, – язвительно передразнил он, – пригреет солнце, и вы все растаете без следа!

Снеговички переглянулись и растерянно посмотрели на деда, но Снеговик подмигнул им, как озорной мальчишка, и весело заявил:

– Это не страшно!

И, повернувшись к Снежной Бабе, спросил у неё:

– Ты согласна? Ведь, правда, не страшно?

– Да, не страшно, – поддакнула она.

– Весной, конечно, растаем, – бодрым тоном продолжал Снеговик, – а зимой ребятишки снова нас слепят из снега, и мы опять встретимся во дворе, обязательно встретимся!

Снеговички, забыв все невзгоды, слушали его с неподдельным интересом. Но Холодей не позволил им забыть, что они находятся в его власти. Глянул исподлобья на всех, не разжимая губ, жёстко улыбнулся, и, указывая на снеговичков, приказал:

– Этих оставить здесь, а бабуку с дедом увести!

Когда приказ был исполнен, он пытливо посмотрел на принцессу.

– Итак, – тихо и внятно произнёс он, – если ты не поможешь мне поймать Белого Принца, то их, – он указал на снеговичков, – раскидают на твоих глазах, и ты, только ты будешь виновата в этом!

– Вы не посмеете! – спокойно сказала принцесса, хотя её губы дрожали. В глазах Холодея она прочла неумолимый приговор, и ей стало страшно. Снежная Баба упала на колени и, безутешно рыдая, умоляла:

– Пощадите малышей! Пусть лучше мы с дедом погибнем, чем они. Ради всего, пощадите!

Маленький Холодей молча глотал слёзы, боясь гнева больших холодеев. Дед изо всех сил вырывался. Он хотел защитить внуков, но холодеи держали его крепко.

Бедная принцесса! Острая жалость к снеговичкам охватила её. «Как их спасти? Как уберечь принца?» – думала она. С мольбой и надеждой смотрели на неё Снежная Баба и Снеговик.

Принцесса задумчиво посмотрела на небосвод, горестно вздохнула и покорно сказала Холодею:

– Я согласна.

Часть VII

Она печально поникла своей прекрасной головкой и заплакала. Её слезинки превращались в хрусталики и тихо падали в снег.

Когда вновь засияли вечерние звёзды, Холодей приказал принцессе:

– Будешь петь всю ночь.

И повернувшись к страже, грозно добавил:

– Да пусть громче поёт! Её услышит Белый Принц, спустится на землю, и тогда ему конец.

Пришлось принцессе петь до самого рассвета, но принц так и не появился. На следующую ночь всё повторилось сначала.

Напрасно измученная принцесса убеждала, что у неё разболелось горло, и она не может больше петь, стража была неумолима. И её печальные песни снова зазвучали в тишине.

Слуги тоже устали. Они крепко держались за ледяные пики и незаметно дремали стоя, боясь вызвать гнев повелителя.

Едва слышно ступая, боязливо оглядываясь, к принцессе вдруг приблизился Маленький Холодейчик и тихо прошептал:

– Не бойтесь меня. Пойте и слушайте: у Холодея есть тайна. Он боится снега. Когда выпадает снег, его сила сразу пропадает.

Вдруг один из стражников очнулся от сна и, заметив холодейчика, подозрительно на него посмотрел и спросил:

– А ты что здесь делаешь?

– А я... – заикаясь, прошептал Маленький Холодейчик. – Я подпеваю, – поспешно сказал он и запел тоненьким голоском: – А-а-а!

Стражник взглянул на него насмешливо и, безмятежно похрапывая, опять заснул.

Душа холодейчика противилась злу и насилию, и он решил, несмотря ни на что, помочь принцессе и Белому Принцу. Осторожно оглянувшись по сторонам, едва слышно он зашептал снова:

– Предупредите принца: Холодей сможет погубить его только тогда, когда он ступит на землю.

Благодарно улыбнувшись ему, принцесса продолжала петь, и теперь в её песне уже не было той безысходности, которая звучала раньше, а была светлая надежда.

Холодейчик низко поклонился ей и незаметно исчез в темноте.

А тем временем Белый Принц и Ветряночка летели сюда и были уже близко. Млечный Путь помог им определить направление, где искать друзей. Принц и Ветряночка постарались собрать как можно больше снежных облаков. Западный Ветер подгонял их, и облака стремительно летели вперёд.

Пролетая над землёй, принц слышал милый голос принцессы. Радостно вскрикнув, он стал быстро спускаться.

На земле его уже ждали! Холодей увидел его, встрепенулся и прошипел: «Всем спрятаться!»

Холодеи разбежались, среди белоснежного поля осталась одна принцесса.

Вот уже принц спускается по лестнице, счастливо улыбается, машет принцессе. А она заворожённо смотрела на него: неужели, наконец-то, она видит своего прекрасного принца?

Тут Холодей выскочил из-за укрытия и, радостно потирая руки, заорал:

– Хватайте! Хватайте его!!!

С победными криками со всех сторон бежали Холодеи. Принцесса опомнилась, метнула по сторонам испуганный взгляд и отчаянно закричала принцу:

– Не ступайте на землю!! Не ступайте! Холодей только на земле может победить Вас!

Но принц её не слушал, он хотел драться с врагами за свою принцессу. Он уже хотел спрыгнуть на землю, но в последний миг его что-то удержало.

Подбежавшие холодеи почему-то держались в отдалении, как бы боясь перешагнуть невидимую черту, и Холодей ничего не мог с ними поделать.

А принцесса изо всех сил кричала принцу:

– Холодей боится снега! Холодей боится снега!

Напрасно холодеи зажимали ей рот.

Было удивительно, откуда появилась такая сила у этой хрупкой девочки? Она вырвалась и, срывая голос, кричала снова и снова:

– Снег! Нужен снег! Снег! Снег!!! Вслед за ней дружно закричали дед, и Снежная Баба, и снеговички, и даже Маленький Холодейчик.

– Белый Принц, поспеши! Всё кругом запороши! – кричали они.

Вот Белый Принц стремительно поднялся по лестнице, взмахнул рукой и крикнул:

– Я – повелитель всех снегов, земле всегда помощь готов!

И как только он произнёс эти слова, начался сильный снегопад. Падали крупные хлопья снега, белого, мягкого, долгожданного снега. Холодей от бессильной ярости завыл и начал избивать своих слуг, потом вскочил на коня, и Северный Ветер унёс его далеко-далеко в Синее Королевство.

А холодеи без своего хозяина оказались не такими уж и злыми. Все благодарили Маленького Холодейчика за его помощь, а он в ответ лишь тихо улыбался.

А Снежная Принцесса, Снеговик, Снежная Баба и маленькие снеговички ликовали, радуясь своему спасению. Они были счастливы, у них на душе было спокойно, ведь теперь не придётся жить в ожидании страха, в ожидании непоправимой беды, но ещё больше они радовались толстому снежному покрову, который бережно укрыл землю и теперь будет надёжно защищать её от холода.

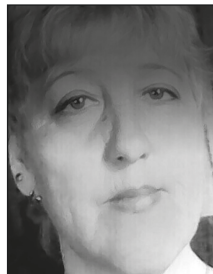
Когда утром дети увидели во дворе, потерявшегося Снеговика снеговичков, их радости не было предела. Они заметили, что Снеговик похудел, у него обвалились бока. Они заботливо надели на Снеговика пиджак, на голову шляпу с широкими полями, и модник Снеговик, добродушно поглядывая на детвору, загадочно улыбался.

Девочка, услышав весёлые голоса ребят, выглянула в окно, радостно вскрикнула и выбежала во двор, где её ждала Снежная Принцесса.

Девочка, напевая, кружилась вокруг своей принцессы, подруга стала ещё прекрасней, ожерелье на её шее переливалось под лучами неяркого зимнего солнца. Узорные звёздочки-снежинки плавно кружились в снежном вальсе. Зимушка-зима вступила в свои права, а весной дети Земли будут любоваться цветами, слушать пение птиц и радоваться жизни!

АЛЬБИНА БЕЛАЯ

50 лет. Живёт в селе Зырянск Прибайкальского района Бурятии. Стихи сочиняет с десяти лет, но записывать их стала совсем недавно. Состоит в поэтическом клубе «Родники» при Прибайкальской ЦБС села Турунтаево. Принимала участие в районном литературном конкурсе «Что я хочу подарить Богу», а также в республиканском «Пой, российская душа, пой» в номинации – Поэзия. Принимала участие в «Международном конкурсе одного стихотворения». Во всероссийском конкурсе «Герои Великой победы» стала финалистом 2017 года.

МОРОЗ – ХУДОЖНИК

Роспись кру́жев, узоры на окнах –
Так картины рисует мороз,
И причудливо кисточкой тонкой
Он рисует букеты из роз.
Приглядишься!.. И увидишь в картинах
И цветы, и сказочный лес!..
Всё окно в золотых паутинах,
Ну, а солнце добавило блеск!
Освещая, как будто бы стразы,
Разноцветные светят огни –
Так художники сходятся вместе,
Создавая шедевры свои.

Картина
Леонида
БАРАНОВА
из цикла
«Жили были
дед да баба»

ДВОЕ

Летний вечер. Тишина.
Чай пьют двое у окна.
– Ты б забор, дед, починил,
Он местами просто сгнил.

Дед, отпив немного чая,
С неохотой отвечает:
– Что-то злится мошкара,
Будет завтра, знать, жара.
При такой погоде лишь
Только заживо сгоришь.
А в таку жару, поверь,
Нос не высунет и зверь.
И зачем всё делать зря,
Ежель скачет саранча?
Вон в соседнем-то селе
Скушала посевы все...

– Вот завёлся, старый пень!
Шевелиться ему лень,
Пошевеливаться надоть...
Упадёт у нас ограда-то,
И тогда в наш огород
Вся скотина забредёт, –
Бабка глянула в окно. –
Что-то сына нет давно?..
Поживает, знать, не туго –
Матери милей подруга.
Рос мальчишкой молодцом:
Делал вместе всё с отцом,
Помогал мне в огороде...

– Ноне старики не в моде, –
Дед обнял свою жену. –
Я ведь сам-то не пойму,
Что он в городе нашёл,
Пятый год уже пошёл...
Ехать к старым нет причины:
Копит деньги на машину,
Ить¹ на платье своей крале –
Мы таких в кино видали:
Волос красит в белый цвет,
А мозгов у крали нет;
Каблуки – ох, словно цапля,
Пóпа – в виде дирижабля,
Губы страшные – убей! –
Как у наших лошадей!

– Красота, одна потеха! –
Бабка затряслась от смеха. –
Ну, даёшь ты, старый дед,
Насмешил, аж, спасу нет!

Дед взглянул на свою бабуку,
Ус пригладил для порядку:

---

1. Ить – здесь разг. служит для подчёркивания мысли.

– Мы ж с тобою, красота,
Жизнь прожили неспроста.
В радости, любви и горе
Жили... Трудно – я не спорю...
Признаю твою сноровку –
Приструнить умешь ловко!
Ты платок не тереби,
Тесто ставь на пироги,
А я завтра поутру
Весь забор переберу!

Летний вечер. Тишина.
Чай пьют двое у окна.
Вместе прожито немало –
Ну и времечко настало:
Силы нету никакой,
Да и рано на покой...
Только душу треплет ветер –
Как живут там наши дети?
А мораль в стихах такая –
Что нас ждёт, никто не знает,
Как бы ни было нам туго,
Поддержать «надоть» друг друга.

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ ЛИСНЯК

Родился в 1975 году в Воронежской области. Окончил Воронежскую Духовную семинарию. Служил в армии. С 1993 года служил диаконом, а затем священником в Троицком храме города Обоянь Курской области. С 1999 года по сей день является настоятелем Богоявленского храма села Орлово Воронежской области. Прозаик. Печатался в журналах «Подъём», «Наши современники», «Сибирские огни», «Бельские просторы» (лауреат 2011 года), «Москва», «Фома», «Русский дом», церковной и светской периодике. Автор книг рассказов «Праздник жизни», «Зимнее тепло», «Бананы на берёзе», «Сашина философия и другие рассказы» (М. 2014), «Через речку быструю» (М. 2016). Рассказы из книг о. Алексия неоднократно выходили в столичных и региональных коллективных сборниках. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член секции писателей «ПРО-ФИ» – профессионалы против профанации.

Повесть

ГОРОД ВЫДРИН И ВСЕ, КТО С НИМ СВЯЗАН

Глава первая НЕНУЖНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Среди бескрайних цветущих лугов и тучнеющих хлебных полей пригрелся под солнцем крохотный захолустный городок Выдрин. Три столетия дремлет он на берегу тихой серо-зелёной реки и видит прекрасные сказочные сны.

Бывали времена, когда географы обходили городок вниманием при составлении своих карт. Мал, дескать, Выдрин, от дороги далеко, да и кому он вообще нужен. В Брежневском атласе, например, его нет. Но повсюду дышит прогресс и нынче с какого-нибудь глазастого спутника можно запросто разглядеть это мирное поселение – все его одноэтажные улочки, выстроенные в незапамятные времена уездными лабазниками. Вот эти улочки полого спускаются к прогнившей лодочной пристани. Вот, в городских палисадниках уснули акации. Вот, на лавках почивают коты. Из распахнутого окошка засмотрелась в мир любопытная герань. В каком-то закоулке – почерневший дощатый забор. Он весь заплёлся хмелем и вечерами наводит тень на заросли лопуха. Белая коза, что пасётся себе под водонапорной башней, всякую погожую пору уныло наблюдает живописный закат.

Воскресными днями гулкий благовест древнего городского собора так же, как и всегда, пробуждает ленивых цепных собак. Ворчливый пенсионер, заслышав церковный звон, зевает в своём домике над оврагом, вздыхает: «Ага, ещё недельку прожили, чтоб её в печень», – и переворачивается на другой бок.

На подъезде к городку на путника непременно нападает зевота. Воздух ли здесь такой, или, может, солнце светит по-особому?

Не так давно, было дело, навевывался областной краевед. Он нашёл себе провожатого, побродил вдоль реки, подышал, пофотографировал. Послушал лягушек, ожегся крапивой. Тщетно толкнулся в закрытую с советских времён чайную. В переулке против автостанции его – трезвого и уставшего – укусил угрюмый шершень. А потом в своей брошюрке «Города и веси нашего края» в главе «Достопримечательности» этот чудака написал, что достопримечательностей в Выдрине нет.

В чём в чём, но в этом я с ним совершенно не согласен! Есть, есть и тут на что посмотреть! Нужно только хорошенько взглядеться.

Но обо всём по порядку.

Теперь напротив собора – главный в городе магазин «Денежка». В двадцатом веке в этом здании размещался городской оперный театр. Кажется, что большей нелепости, чем Выдринский оперный театр выдумать невозможно, однако горожане в те времена гордились своим театром, хвастались, мол, есть у нас эдакое, чего у других нет. Хотя едва ли находился среди них такой, кто добровольно проходил внутрь театра дальше буфета. Как это уникальное явление существовало? Очень просто. В те советские времена ведь об этом не думалось. Существует и существует себе, значит так надо. Впрочем, самые дошлые говорили, что вся эта оперная жизнь держится в городке только лишь на энтузиазме одного единственного одержимого музыкой человека. Будто бы он, этот приезжий человек, что театром руководил, по своему почину где-то вербовал музыкантов и певцов, сам ими дирижировал, сам организовывал культпоходы в свой театр местных пионеров и окрестных колхозников. И, главное, сам доказывал в райкоме, что театр – дело нужное.

Этот выдающийся человек здравствует в городке и теперь. Зовут его Аркадий Беркович. Справа от собора, возле одноэтажного здания бывшего райисполкома, на стенде «Ими гордится город» по сию пору висит его выгоревший за четверть века портрет. Там Аркаша не похож на себя теперешнего – с портрета соколиным взором сияет кучерявый брюнет, а вовсе не старый сутулый плешивый еврей, каковым он сделался в нынешнюю пору. Говорят, что и подпись внизу фотографии частично сохранилась: «Заслужен...й ...ртист РСФС... Б... ич».

Как-то, совсем недавно, дрейфовали, пошатываясь, возле этого ржавого стенда два залётных заросших бородами маргинала. Один поводит пьяным пальцем под фотографией Аркаши, что-то помычал и сообщил своему оборванному приятелю:

– Вот смотрите, ээ... этот вот мужчина, так сказать, – заслуженный бич. А вы утверждали, что...

Его спутник не поверил и присмотрелся к ущербной подписи:

– Нн... да... Ну, коллега, выходит, нам с вами, так сказать, есть к чему стремиться. Хе-хе!

И странствующие граждане Вселенной покинули городок меланхолично улыбаясь, довольные тем, что где-то на планете всё-таки проживает и здравствует заслуженный бич РСФСР.

Каким распределяющим ветром занесло брюнета Аркашу в центральное российское захолустье, теперь уже никто не вспомнит...

Когда подули новые ветры, которые переместили Аркашиных соплеменников в жаркие Давидовы края, Беркович уехать не отважился. Он это объяснял просто: не хватило духу. А может, он влюбился в провинциальный Выдрин, но скрывал это? Такое ведь тоже возможно. Но, скорее всего, и это больше похоже на правду, соплеменники от него постепенно отвернулись. Была причина. До неё тоже доберёмся.

К концу двадцатого века в городок проникли независимость, разруха и безденежье. Когда исчезли невольные театралы-пионеры и когда не стало руководящей партии, которая по просьбе Аркадия записывала колхозников в меломаны, провинциальному руководителю оперного театра стало ясно, что классическая музыка и хозрасчёт, что твои гусь и свинья – не товарищи. Он было сунулся за поддержкой к новым властям, но те сослались, опять же, на хозрасчёт. Мол, ставь то, на что будучи ходишь. Советовали:

– Держи нос по ветру. Коли не идут на этого твоего «Князя Игоря», тогда напиши и поставь порнографическую версию. Точно придут. Представляешь, тут голые по сцене скачут, там голые! Тут – солист без штанов, гы-ы! Или пусть твой «князь Игорь» с бабами развлекается. Успех, аншлаг, новаторство! Мы о тебе в газету сообщим, рекламу тебе устроим!.. И на телевидение, опять же. Тебе – слава, нам – почёт, в кассу денежка течёт...

Аркаша советом пренебрёг, театр вскоре обнищал и власти его у Аркадия отобрали.

«С деньгами не так хорошо, как без денег плохо» – это всем известно, не только евреям. С горя Аркадий подумал играть в переходе на контрабасе, да на беду не было тогда в Выдрине переходов, даже наземных. Впрочем, и теперь их нет. Попытался наняться дирижёром в похоронный оркестрик, а там командиры без надобности. Он не отчаялся и сунулся в единственный местный ресторан – думал подрядиться баянистом, играть на свадьбах. Его с радостью взяли. Разрешили даже не делиться гонораром. Вот только ближайшая свадьба намечалась в городке аж после Нового года.

Прошло совсем немного времени и к середине девяностых Аркадию не на что стало даже запить. «Бог таки защищает бедняков, по крайней мере, от дорогостоящего греха».

* * *

Как-то вечером он бродил вокруг бывшего «своего» городского оперного театра. Самосвалы сгружали перед крыльцом щебень, фасад почти уже весь скрылся под пластиковыми панелями. Подле, на афишной тумбе, красовалась новая афишка новых хозяев: «Открытие магазина «Денежка»

запланировано на воскресенье». Стало быть – на завтра. Беркович плюнул и от досады забрёл в собор...

Вот тут-то заслуженному музыканту и стало по-настоящему тошно – забылась и безработица, и отчаяние: три старухи, что голосили с хоров, наполняли величественный новозаветный храм невообразимой какофонией. Пренебрегая элементарными правилами сольфеджио, не ведая интервалов, престарелое трио самозабвенно издевалось над простейшим музыкальным произведением. Все динамические оттенки певицам заменил один разъединственный – форте-фортиссимо. И оно, это фортиссимо, казалось, сверлит стены. Аркадий увидел, – удивился, – как старцы, изображённые на колоннах, ещё больше ссутулились, серафимы на фресках зажмурились, показалось, закрылись крыльями. Бабушки надрывно голосили, а в какой-то момент взвыли так, что кислота хлынула Аркаше в оба уха, ожгла череп. Беркович стиснул свои золотые зубы, до боли зажмурился. Хотел развернуться к выходу, а ноги свела судорога. Он сдвинул уши ладонями так, что хрустнули плечевые суставы. Адреналин хлынул в кровь, и музыкант подумал о том, долго ли способно его сорокалетнее сердце выносить такую трёпку. Но певчие вдруг смолкли, и чтец дробно затараторил непонятное. Аркаша оглядел прихожан. Те – ничего. Стоят, крестятся, вздыхают. Музыкант отёр со лба испарину, удивился своим трясущимся рукам. Собрался, было, выйти, но с хоров вероломно хлынула кислота и парализовала. Опять! Аркаша зажмурился до синих пятнышек. Ему вдруг почудился скрип сотни деревенских телег, трение пенопласта о поролон, елозание железной щётки по стеклу. О, эта сила музыки! ...И припомнилась бормашина его мамы Розы Альбертовны. Живо всплыло воспоминание, как в детстве в её кабинете он опрокинул стерилизатор с инструментами, и шпатели, зонды, кюреты, пинцеты, боры тонюсенько звеня, рассыпались по кафельному полу – этот омерзительно-кислый высокий аккорд долго звенел в ушах. И звенела голова от мамино подзатыльника. Маленький Аркаша насмерть запомнил тот светло-сиреневый холодный металлический стерильный зубо-врачебный аккорд, пахнущий кварцевой лампой. Вечером он подобрал его дома на пианино. В окна их конотопской квартиры глядел молодой цветущий каштан. Когда зазвучал Аркашин инструмент, каштан постарел, присел, повял, силился отвернуться, зажмуриться. А мальчик всё давил и давил на клавиши! Зубосверлильные звуки летели за окно и сводили скулы прохожим. Маме показалось, что Аркаша бесконечно роняет дома её инструменты, она примчалась со двора... А немного погодя, во дворе мама хвасталась тётке Циле, какой таки абсолютный у её Аркаши слух.

... Аркадий очнулся, открыл глаза и обнаружил себя сидящим на скамье. Чтец уже оттараторил своё и толстый священник с амвона отпустил прихожан по домам. Беркович не спешил в своё холостяцкое жилище и дождался священника:

– Товарищ... или как бы... священник... э... господин...

Батюшка лукаво улыбался и ждал, как же известный в городе бывший руководитель театра ещё придумает его обозвать, но фантазия у того уже иссякла. Тогда священник представился:

– Отец Исаак.

«Ой!»

Повеяло вдруг теплом. Аркадий улыбнулся:

– Исаак? Магнив! Ээ... Слеха́, вы наш?

– В смысле? Ах, это... Нет, я Божий. Монах. Ну, имя такое, в монашестве – Исаак. Так вы о чём меня это... хотели?

Беркович не знал, как тактичнее сформулировать то, чего ему нынче вдруг захотелось. Он секунду помялся и решил изложить всё кратко и, по его мнению, напрямик:

– Нет, вы таки глухой? Вы таки совершенно глухой, когда так спокойно слышите вот это! Шо это, пение? То есть, по-вашему, это – пение? Ладно. Я такой троллейбус, какое это пение. Давайте, я займусь вашим пением. Я таки научу их, какое бывает пение.

Священник не удивился. Он только спросил:

– Вы крещёный?

Беркович испугался, что его спонтанная затея и здесь, как в похоронном оркестрике, не пройдёт и смутился:

– Чтобы таки да, то есть... Не так, чтобы уж совсем, – но тут же нашёлся, – Я в Бога всегда верил. Мой прадедушка тоже, как вы.

– Что, священник?

– Ну не то, чтобы уж совсем. Он у церкви работал, у нас в Конотопе, крестики торговал.

Батюшка улыбнулся:

– Ладно, добрая душа. Подойди завтра перед службой.

Глава вторая ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

В загородной роще отщёлкали своё соловьи. Ни ветерка, ни шороха в листе. Таинственно дремлют пни, тихо жуют во сне. Изредка только донесётся от реки тревожный зов печальной ночной птицы. Здесь – покой.

Сползается в овраги сказочный синеватый туман. В мире – сон. А в городке строительное беспокойство. Не спится месяцу над крестами городского собора, морщится месяц. Келья настоятеля прямо в храме, под колокольней. Ворочается на своём монашеском топчане отец Исаак, то зажмёт ладонями уши, то засунет голову под подушку. За окном его кельи готовится к утреннему открытию новый магазин. Самосвалы навезли горячего асфальта и разъехались. Раскалились прожекторы, тарахтит в их сиянии каток, дымится асфальт. Театр навсегда оделся в пластик и над его вдруг поквadratневшей кровлей вырос в ночи огромный подсвеченный щит с надписью «Денежка». Бессонный монах походил по комнате, поглядел в окно. Удивился быстрым ночным метаморфозам. Потом присел, в чём был, к столу и записал в свой блокнот, где копились его крылатые мысли: «Ещё вчера из-за театральной крыши вставало солнце. Теперь на его месте в ночи взошла «денежка». Реформы продолжаются. Деньги встают над городом, деньги встают над страной! Деньги вознесли свою хоругвь над поверженным рассадником культуры. Куда мы катимся, демократы? Аминь».

Когда в церкви явились первые христиане, у настоятеля от ночного бдения уже раскалывалась голова.

Красно-рыжий луч разбудил в келье образа. Ветхозаветный Исаак в заблестевшем окладе поглядел на своего дородного тёзку. Тот насупился за столом, под глазами мешки. Прочитывает белеющий на столе лист – не верит глазам своим. У стола гордо сгрудилась певчая троица. Настоятель смотрит в бумагу, глядит на них:

– Так вы, сёстры, это что, серьёзно?

«Сёстры» серьёзны:

– Разумеется.

Говорит одна, ей лет сорок. Беркович её вчера за компанию с прочими записал в старухи.

– Мы тут были всегда. Мы тут пережили всех попов. И тебя переживём. Думаешь взять на наше место еврея, да?

– И не думал. С чего бы?

– Да кого ты обманываешь? Мы видели, как ты вчера его зазывал, приходи, мол, наши петь не умеют. Все слышали, как вы с ним сговаривались. Мне сразу доложили. То есть я – с семинарским Загорским образованием – тебя не устраиваю, да? Баба Вера и баба Надя тут испокон – певицы самородные – тебя тоже не устраивают?

Бабки Вера с Надей не моргают, победоносно глядят поверх больной монашеской головы. Люба с ними переглядывается и продолжает:

– Ну что ж, увидим ещё, кто тут кого не устраивает.

– Устраивают, Люба, все меня устраивают!

Люба не слышит:

– Ничего, мы на тебя управу найдём. Ты посмотри в письмо-то, посмотри. Под ним сорок подписей. Всю ночь баба Вера по дворам подписи собирала. Все люди – против тебя. Взгляни, взгляни.

Батюшка опять перечёл письмо, адресованное архиерею:

20.06.1995

Его Преосвященству...

Ваше Преосвященство! Наша Церковь в опасности! Этот настоятель, которого Вы прислали, опять не такой. Проповеди говорит непонятные, сам толстый (наверняка не постится). С начальниками улыбается, а они бывшие коммунисты. Когда я училась в семинарии, сам архимандрит Макарий сказал мне: «Люба, ты самая лучшая ученица, только ты». А он – настоятель – хочет теперь меня выгнать. Хочет променять весь наш хор на некрещёного еврея, стало быть, на жида, как говорит о нём сам святой евангелист Иоанн Богослов. А этот жид городской театр уже пропил, все это знают. Теперь церковь хотят пропить вместе с настоятелем. Все люди этого боятся. Надо церковь спасти. Ждём от Вас нового настоятеля.

Певчие Вера Иконникова, Надежда Иконникова, Любовь Козлова...

И ещё 40 (сорок) подписей на другом листе.

Настоятель хмыкнул, мол, да, грамотно написано, не зря училась в семинарии Любовь Козлова. Хм...

Его предупреждали, что на Выдринском приходе священники долго не задерживаются. А ещё голова после бессонной ночи раскалывается...

Он спросил:

– Кто тут у вас что хочет пропить? Что это за бред?

– Бред?! Ага, по-твоему, мы втроём и ещё сорок человек бредим? То есть, по-твоему, у нас с головой не в порядке? – Любовь выдержала паузу, подпрыгнула и завизжала: – Вера, Надежда, вы слышали, он нас дурами обозвал! Все слышали? Не позволю! Дурами нас ещё ни один поп не обзывал! Я семинарию кончала, а он мне – дура! То есть, отец Макарий, который меня считал лучшей ученицей, по-твоему, дурак?! Вы слышали, он самого отца Макария дураком обозвал!

Бабки синхронно кивнули, мол, слышали. Любовь прыгала, брызгала слюной и высоко-высоко визжала. Наконец, выдохнула и подытожила:

– В общем так. Поём мы хорошо, с народом тоже ладим. Мы вообще лучше всех в этой церкви. И пока мы тебя простим. Но при условии... Короче, если вдруг только этот еврей ещё хоть раз здесь появится, мы тут же письмом отправляем, куда следует. Пусть только сунется...

В келью постучали. Дверь скрипнула, робко приоткрылась. В щель просунулась голова Аркадия Берковича:

– Доброе утро! Вы сказали, чтобы я до службы подошёл? Так я таки и подошёл.

Глава третья ПО ЗОЛОТОМУ КОЛЬЦУ

Когда древний Владимир остался позади, знакомые нам маргиналы набрели на богатую загородную свалку. Чего там только не было! И не перечесть всего добра! Но самой главной их находкой стала гора ветхого армейского обмундирования.

Долго выбирали себе одежду. Надо такую, чтоб днём в ней не увариться, чтоб ночью не простыть и чтобы ногами в одежде не путаться. Парадные кители и хэбэшки сразу отмени, шинели похерили. Остановились на изношенных полинялых солдатских бушлатах – на что лучше!

– Вы, коллега, этот примеряли? Что, мал?

– Отчего же, в самый раз, так сказать. Но обратите внимание, коллега, он ведь с сержантскими лычками. Я, так сказать, не считаю себя достойным. А вот этот с чистыми погонами – символом чистой совести – мне вполне по чину. Хе-хе-хе!

– Ну тогда, с вашего позволения, сержантский я беру себе?

– Безусловно, коллега, это будет справедливо. Ведь вы, позвольте, с каких пор бичуете?

– С апреля девяносто пятого, с самого, так сказать, начала. У нас с вами, коллега, не за горами двадцатилетие.

– Вот. Выходит, что вы – бич намного заслуженнее меня, на целый месяц карьерного стажа! Хе-хе-хе! Поэтому, так сказать, логично, что вы обогнали меня и в воинском звании тоже. Хе-хе-хе!

– Ну, что ж, конечно, до заслуженных бичей России нам ещё далеко... Хе-хе... Но тщеславие, так сказать, всегда требует себе жертв...

Бородатые сержант с рядовым отыскали себе по пилотке и по паре штанов. С обувью вот только не задалось – отправились дальше в своих дырявых домашних тапках, исправно носивших своих обладателей извилистыми Российскими вёрстами.

К сумеркам достигли Боголюбова, перекусили, чем Бог послал. Следующие сутки провели на лугу, в виду древнего Покровского храма, где дышала прохладой Нерль. Там же провели долгий летний вечер. Лунной ночью слушали выпь за рекой, глядели на звёзды. Когда тема русской истории поднадоела, имели пьяное суждение:

– ...То есть вы полагаете, коллега, что слово «бич» нам с вами подходит больше, чем слово «бомж» – без определённого места жительства? Я бесконечно готов вам оппонировать. Посудите сами, ведь какова этимология: БИЧ – бывший интеллигентный человек. Может ли случиться так, чтобы интеллигенция оказалась вдруг бывшей?

– Ммм... Безусловно. Ээ...

– Веское заявление. Но каковы аргументы? Со своей стороны, я предлагаю вопрос: эмигранты эпохи Великого октября – кто они? Неужели Сикорский и Шмелёв – бывшие? Да, однажды утром то, что они всегда делали, стало вдруг не нужно новой власти, как и в нашем случае. По сути, они, как и мы, всего лишь навсегда лишились жилья и прописки. Однако, ведь интеллигентского своего мировоззрения они лишиться не могли? Потому и поднялись на новом месте. Точнее, не опустились. Выходит, они не бичи, не бывшие! Они – «ичи», интеллигентные человеки! Отчего же вы себя именуете бичём? Вы не видите наших параллелей с судьбами тех эмигрантов? Мы ведь тоже – ичи! И пусть мы не поднялись. Но ведь мы и не опускались! На бомжа я ещё согласен, но слово «бич» мой разум отвергает.

– Что-то я не очень вас, дорогой коллега... Ммм... Но ведь они-то и не бомжи? Ээ...

– Соглашусь, однако и вы согласитесь: стоит нам обрести определённое место жительства – и мы становимся не бомжами. А кем? Правильно, ичями. Впрочем, мы и теперь интеллигентные человеки. Хм... Выходит, что предмет нашей дискуссии...

– Хрр... Хрр...

– Вы спите, коллега?

– Хрр...

– Ну что же, наш диспут, вероятно, продолжится...

Оратор пискляво зевнул.

Коллеги закутались в бушлаты, воткнули в ночное небо свои седые бородищи.

Звёзды шуточно перемигивались, самолёты неслышно линовали ночь, херувимы над звёздами вечно пребывали в своём ангельском блаженстве...

Снилась корова.

На рассвете «бойцы» омылись в Нерли и просёлками двинули на север.

На подходе к Суздалью маргиналов встретил огромный рекламный щит. Там говорилось, что нынешний 2014 год – год культуры, а не чего-нибудь ещё. Не минуло и двадцати лет, как культура воскресла! До чего же ошибался тогда отец Исаак, полагая, что деньги навсегда вознесли над культурой свою победную хоругвь!

Сержант и рядовой нерешительно обозревали культурный щит. С него туристу вежливо сулилось незабываемое: «Суздальские бары и рестораны, гостиницы и дискотеки, а также сауна и бильярд».

– Знаете, коллега, я рад, что у нас с вами нет денег на ресторан и сауну. Взамен этого обещаю вам незабываемую пешую прогулку. Суздаль, это же... Эх! Надеюсь, не пожалеете. Помните, как мы с вами в Кижях...

Другой перебил:

– Приветствую ваше предложение, коллега. Но вначале надо бы сойтись с местными. Есть хочется.

Дотемна пировали у радушных оборванных новых своих товарищей на берегу Каменки.

Утром, когда местные бомжи ещё изволили поживать в густой траве, наши искупались в реке, вошли в город и растворились в его древнем великолепии. Бывший доцент кафедры истории и археологии вёл по Суздалью своего друга – бывшего филолога-кандидата:

– Впервые, коллега, «Суждаль» является нам в летописи в 1024 году. Впрочем, об этом много спорили у нас на кафедре. Особенно этот паразит Коплановский. Помните этого бездаря? Мол, домонгольский период...

– Не наводите тоску, любезный. Коплановский мне в той жизни надоел. Ведь вы помните, как он пытался пристроиться ко мне в соавторы по Державинскому труду? Вот...

– А, ну да. Он тогда ко всем втирался – энергии столько, что мыло не нужно. Итак, мы видим здесь древнейшие христианские храмы, но совершенно забываем при этом, что христианство тут не было типичным и приживалось, так сказать, мучительно. Местные язычники или, как считал Коплановский, смерды-общинники...

– Опять Коплановский! Вы становитесь невыносимы.

– А, ну да. Так вот, перед нами Кремль. Если рассмотреть историю одного только Богородице-Рождественского собора...

– Стойте, коллега! Вы говорили, что раньше христианство здесь не было типичным? Взгляните туда! Хе-хе-хе!

И рядовой указал сержанту на огромную афишу: «2014 – год культуры. 12-15 июля – Русальная неделя. В программе – гадания, хороводы с русалками, языческие обряды, народные забавы, конкурсы и угощения».

– То есть, товарищ сержант, вы полагаете, что языческие времена минули и теперь именно христианство типично для Суздаля? Хе-хе-хе!

– Мм... да... Ладно, оставим это. Итак, Кремль...

Бродяги водили друг друга под летним солнцем. Им сопутствовали князья и бояре. Коллеги слышали свист татарских стрел, звон мечей и топоров... Дышал асфальт, и, немного погодя, маргиналы доподлинно увидели самого Ярослава Мудрого. Он мелькнул в конце улочки. Явился и прошёл видением...

Через пару часов наши «воины» незаметно для себя оказались в гуще разношёрстного туристического люда на площади перед Кремлём и смолкли. Тут из одной компании, что говорила меж собой на языке Джека Лондона, к ним подошёл старичок в шортах и предложил выпить. Ну кто же откажется на дармовщинку выпить? Тем более – за дружбу народов? А потом за Русь? А потом за братство? А потом за мир? А потом за партнёрство в космосе? После тоста за баб турист фотографировал наших воинов на фоне кремля. На фоне храмов и монастырей – на фоне безбрежного Русского неба...

Экскурс в историю пришлось до поры отложить.

Глава четвёртая ПРЕМЬЕРА

Над куполами старого собора стрижи рассекают воздух, весело перекрикиваются. Гудит соборный благовест. Пенсионер, разбуженный далёким колоколом в своём мрачном домике над оврагом, бухтит – провожает ворчанием ещё одну прожитую неделю. Похоронный оркестрик – при параде – выстроился на крыльце нового магазина, задорно фальшивит весёлый марш. Вот-вот перережут ленточку, и горожане радостной толпой добровольно хлынут в бывший оперный театр. Привирает помятая туба, безбожно врёт валторна, кларнет чешет за ухом, правдолюб-барабан выносит культёй остатки утренней лени. И благовест возносится над всеми. Благовест летит в заречные луга. Благовест летит прямо в душу.

И летит в архиерейскую канцелярию письмо Козловой Любви.

Торжественно топчутся посреди храма Вера, Надежда и Любовь, на хоры не лезут. Поглядим, дескать, отец Исаак, каково ты справишься: пора службу начинать, а единственные певицы-то – тю-тю. Хе-хе! Ну-ка, как ты

выкрутишься? Обрати петь мы просто так не полезем. И не простим этак, даром. Мы – таланты вон с каким образованием, а вовсе не дуры. Сам архимандрит Макарий нас хвалил. Поклонись-ка нам, и ты, отец Исаак. Да зарплату подыми. Монополия ведь у нас.

Вздыхает настоятель. И можно было б поклониться, да теперь-то что толку, письмо-то улетело. В тот самый миг, как только Беркович показался в келье и улетело с какой-то сердобольной оказией.

Беркович виновато топчется...

– Ну, Аркадий, раб Божий, что делать будем?

– Шо будем делать? А шо нам надо делать, мы таки то и будем делать.

– Но ты же службу не знаешь, ты ж в церкви второй раз в жизни!

– Ой! Ноты есть? Есть. С листа я умею. Чтец таки покажет, шо и где надо петь?

– Не страшно тебе? А, впрочем... И тебе ведь тоже терять нечего.... Ладно, будь по-твоему. Дело нужное, Бог поможет.

– Таки поможет?

– Гм!

Настоятель – в алтарь, Аркадий на хоры. Певицы заволновались: «А вдруг и впрямь выкрутятся?»

Чтец сдул пыль с нотного томика, подал Берковичу. И вот...

Священник в алтаре что-то пропел невнятно, и чтец в ответ что-то непонятное затараторил. Аркадий пока пробежал глазами по нотам, вроде не сложно, изготовился. Прихожане – ничего. Крестятся, вздыхают. Чтец отбубнил своё, священник что-то пропел. И вдруг чтец тычет в ноты: «Пой вот это». Беркович вытянул шею и... «Амии-и-инь». Глядит на чтеца. Тот – ничего. Крестится, вздыхает. И снова тычет в ноты. Беркович вытягивает шею и... «Го-о-осподи, помилуй»...

Привычно с листа читаются ноты. С подписанными под нотами словами, кажется, тоже беды не возникает. Чтец указывает и Аркадий – «Благослови, душе моя Господа...», чтец тычет, и Аркадий – «И-и-и-иже херуви-и-и-имы...» Оглядывает прихожан. Те – ничего...

...Проповедь была про Божью помощь. Аркадию проповедь понравилась. Глядел на прихожан, те – крестились. Глядел на бывших певиц, те – вздыхали. Кряхтели, топтались, шушукались. Трясли кулаком на хоры, на заслуженного артиста РСФСР. Погрозили на амвон настоятелю и с Божьей помощью убрались.

...За чаем настоятель говорил весело. Берковича хвалил, называл дебютантом. Говорил, что его премьеры с Божьей помощью прошла успешно, смеялся. Свал Берковичу денежку – слышал, что Аркадий полгода тому,

как без работы. Предлагал его крестить. Аркадий отвечал, шо он таки чтобы креститься, то и как бы вроде как будто ничего. Говорил:

– В смысле таки давно надо.

Священник удивился:

– Что, давно креститься надо?

– Давно-таки надо вроде подумать...

Когда на столе закончилось абсолютно всё, Аркадий пообещал, что непременно крестится. А потом обязательно соберёт настоящий хор. Такой хор, что настоятелю и не снился такой хор. Обнимал чтеца. Говорил, что и тещу не снился такой хор. И никому не снился такой хор. А креститься непременно надо. Вот только «Божью помощь» надо бы ещё хоть разок увидеть, для достоверности. Тогда и...

День закончился, закрылись двери в бывшем оперном театре, засияла в сумерках «Денежка». Ангелы зажигают над миром звёзды. Стих бой где-то в Чеченских горах. Заперся на засов утомлённый пенсионер в своём доме над оврагом. Залезла головой под свою недобрую подушку Любовь Козлова, скрежещет зубами, кусает губы – не спится Козловой Любе.

И где-то там, за рекой завели перепёлки свою затёртую пластинку: спать пора, спать пора, спать пора...

Глава пятая ПОД СТАРЫМ КАШТАНОМ

«Шумит, гремит конец Киева»... Этой сценой начинается твоя «Страшная месть», дорогой Николай Васильевич. Но нынче не «есаул Горобець празднует свадьбу сына своего». Случись подняться тебе из тесного своего гроба, не узнаешь ты Малороссии – иные есаулы вознесли теперь над твоим вольным Днепром знамёна свои. А в Конотопе не слышно теперь шумной ярмарки, где потерял когда-то гетьманскую грамоту добрый козак без имени. И только лишь бес, которого выгнали в твою пору из пекла, всё рыщет в тихой украинской ночи, всё шукает свою поганую свитку. Отчаянно свищет, чует себе недоброе, тоскует, уныло стонет во мгле...

...Ни дождинок. Поник каштан в двухэтажном двореке. Конотопские старушки Роза Альбертовна и Цецилия Борисовна томятся в его душной тени. Развалились на лавочке, скучают. Летний зной. Мёртво висит пыль. Пробиваются сквозь пыль с вокзала далёкие тепловозные свистки и, будто сквозь ватное одеяло, стук вагонных колёс.

Во двореке явился Тарас. Уморился. Присоседился к старушкам, поставил к ногам свой раздутый баул.

- Шо такое, Тарасе? – Цецилия Борисовна кивнула на баул.
- Що, тётка Циля?
- Ты таки на станции был, чи шо?
- Ну?
- Шо, таки вареники не расторговал? Целый баул вернул до дому? Ой! Ой!
- Та ни. Вареники продав. Грешно не продать, когда весь день через Котоп солдат везуть. Це, известно, народ голодный. Зараз треба швыдко ще наварить, та на станцию. Та жинка, мабуть, вже наварила.
- А в торбе тогда шо?
- Аа... – Тарас полез в сумку, вынул кипу газет, потряс. Одной оделил старушек: – Це мени охвицер дав. «На, друже, раздавай в городе, та сам подывысь». Ось вам спочатку и раздав.
- А шо слышно, Тарасик, долго ли ещё будет война?
- Хтозна. Кажуть, тётка Роза, що там, на хронте, дуже важко. Багато москалив, пруть як в сорок третьем. Эти з Киева кричать, що скоро. Тильки солдаты кажуть, що нема конца той войны. С утра танки везли, зараз пушки... Ох...

Тарас достал из баула бутылку тёплой воды, присосался. Старушки, глядя, как прыгает его небритый кадык, жадно сглотнули.

– Ладно, пора мэни, – Тарас швырнул пустую бутылку в кусты, подхватил баул и скрылся в подъезде.

Слово «война» чёрной птицей, распластало свои отливающие сталью крылья над пожухлой землёй. Где-то там, за горизонтом, война собирает свои кровавые жертвы. Туда, на восток, идут эшелоны с танками, туда летят проклятья галичанских солдаток, туда устремил свой когтистый перст искатель красной свитки. И едут с войны домой, оскалась в своих душевных гробах, молодые украинские мертвецы...

И чего не хватает им, этим поганым москалям? Земли нашей им треба? Зачем лезут убивать они наше всеобщее новое счастье?..

Еврейки задумчивы. Давно уже всё перетёрто-переговорено, к чему раны бередить. Война... Эх, и гордилась бы теперь старая Цецилия Коплановская своим сыном, который дослужился на чужбине до академического ректора, да стыдно перед соседями: москаль – твой сын, тётка Циля Коплановская, вражина – твой сын. А тётя Роза Беркович про своего не хочет и слышать с самых девяностых, лишь только тот окрестился. Однако, нет-нет да и припомнится ей маленький Аркаша, припомнится его смешное пианино. Но тут же трясёт головой тётка Роза, гонит от себя память, трясётся на голове фиолетовый перманент. И вянет, облетает прежде срока, похилившийся каштан.

Старушки повздыхали, поскучали сами себе и развернули дарованную Тарасом газету «Героям слава». На первой полосе, в обрамлении из рекламы отдыха в Египте – мертвецы. И за них требуется непременно отомстить! А на второй – репортаж с фронта. Журналист Смит пишет про кровопролитие. Ему удалось увидеть всё самому и, рискуя жизнью, сфотографировать безжалостных русских солдат. С фото пьяно таращатся и, позируя, корячатся расхристанные воины – заросшие седыми бородами солдат и сержант. Вата глядит из прорех на старомодных бушлатах. В руках у захватчиков по недопитой бутылке с зажигательной смесью. За их спинами – наспех замазанный Суздальский кремль...

...Обратили на Восток свои алтари златоверхие Киевские храмы, чают – Спасение грядёт с Востока. Крестится на Восток отец Исаак в своей небогатой келье – и вси святии ангели с ним...

Стучат в степи колёса, полыхает восток. Спит Николай Васильевич над этим безумием...

А где-то, высоко-высоко над миром, тяжёлая – вот-вот сорвётся – дозревает, ширится, наливается Страшная месть.

Глава шестая ЛЮБОВЬ ТЕРПИТ КРАХ

Всем известно, что вдохновение накрывает, как правило, ночью. Ночью в беспокойные сердца стучатся открытия и гениальные идеи. Окрылённому инженеру мерещится в ночи технический прогресс, поэту является безнадёга, графоману слышатся лиры и видятся лавры, мешают уснуть.

Безобразная Муза явилась Любви Козловой в первом часу. До утра Люба ворочалась. Вставала, бродила по комнате, ложилась. Обдумывала свою новую идею, подбирала слова, взвешивала мысли.

Козлову вдруг осенило, что наступать на врагов – еврея и настоятеля – нужно решительно и сразу, со всех фронтов. Жалобу в епархию уже накачала. Теперь хорошо бы всколыхнуть, так сказать, общественность – дать в газету что-нибудь этакое про бесчинства нового настоятеля и его лучшего друга еврея Берковича.

Утром чуть свет, она возникла в редакции районной газеты «Выдринские зори», слушала стрёкот пишущей машинки из-за двери с табличкой «Редактор отдела сельского хозяйства и пр. А. Кобелев».

Люба поправила на голове свою православную косынку и решительно постучала.

Журналист Андрей Кобелев, не выпуская из зубов дымящую папиросу, строчил репортаж со вчерашнего открытия нового городского магазина «Денежка».

«Оркестр торжественно гремел», – вбивал он в свою машинку, – «трубы отливали медью на солнце, под звуки марша топтались на заасфальтированной площади в ожидании открытия многочисленные благодарные горожане...»

В дверь постучали.

– Войдите!

Козлова вошла. Окинула взглядом прокуренный кабинетик. На прожжённом столе, кроме машинки «Москва» и погребённой под окурками пепельницы, скучает пыльный бюстик Николая II. Графин с остатками позеленевшей воды порос пылью. На стене повисла в паутине самодельная казачья шашка. За спиной Андрея приколот к облезлой стене чёрно-жёлто-белый триколор. Журналист оторвался от работы:

– Что вам угодно?

Люба для порядка всплакнула и повела заготовленное:

– Наш городской собор под угрозой. Еврей Беркович в сговоре с новым попом собираются его пропить. Пресса должна отреагировать.

При слове «еврей» журналист встрепенулся:

– Так-так, ну-ка давайте с «еврея» – поподробнее.

Козлова продолжила:

– Храму триста лет. И все триста лет ничто не предвещало беды. Даже в революцию церковь не тронули. А позавчера началось ужасное. Еврей, вы его знаете, тот, что городской театр пропил, пришёл к новому попу, этому Исааку (при слове «Исааку» Андрей ещё больше оживился) и говорит: давайте вместе подумаем, как выгоднее продать эту церковь. Если сдать в аренду, говорит, под ресторан, то будет неплохо. А тут люди возмутились и говорят: «Как же сдать, тут ведь такие хорошие певчие, тут Любовь Козлова, которая в Загорской семинарии училась, с которой сам отец Макарий советуется...»

Андрей зачирикал в своём блокноте. Бросил Любе:

– Так-так, помедленнее... Сам Макарий советуется... Так, дальше...

– Вот, а еврей и говорит настоятелю: «А выгони ты их всех, в ресторане православные вовсе не нужны. Они смиренные и кроткие, всех клиентов нам с тобой распугают».

Андрей записал «...распугают».

В провинциальном кабинетике наконец-то запахло сенсацией! Еврейский заговор! Вот это сюжет! А то всё «вспахано зяби», «голосуй, а то про-

играешь», да «продаётся коза». В голове запестрели гремучие заголовки: «Аркадий и Исаак против Русской церкви». Или нет, лучше: «Потомки Иуды продают храм за тридцать сребренников». Или нет, надо лаконичнее: «И в церковь просочились». Тираж газеты конечно подскочит, поднимется зарплата, а там и редактору скоро на пенсию – место освобождается. Но, главное, наконец-то узнает мировой сионизм, кто таков мастер пера Андрей Кобелев! Трепещите!

Андрей огладил бюст императора, сдул с него пыль.

– Так, ладно. Это я быстро набросаю. Хорошо, что вы зашли именно ко мне. Ух, я этих иуд в статье пропесочу! Ого-го!.. Вы как хотите – фельетон? Или, пардон, в виде репортажа это оформить? Или, может быть, лучше... А хотите, я этих сионистов в стихах протяну? Уже вертится в голове... Ммм... э... Вот: «Месяц светится над хатой...» Мм... э... «Точит зуб еврей пархатый...» – Во, рифма хорошая! – Ээ... «Хочет церковь он пропить...» Ээ... вот, вертится-вертится... Э... Вот! – «Фигу! Мать твою етить!» Каково?! Ну так, что? Лично я – за стихи. Только, пардон, это вам немного дороже обойдётся.

– В смысле... как это дороже?

– Ну, то есть, понимаете, стихи, они, пардон, у меня дороже оплачиваются. Это ж время, вдохновение, одной бумаги на черновики, опять же... Не стану же я бесплатно...

Любовь Козлова захлопала вмиг высохшими ресницами, не сводила с журналиста округлившись глаз. Потом вдохнула, подпрыгнула и заорала:

– Как! Ты хочешь денег?! Ты на церкви хочешь руки нагреть?! Ты на святое покушаешься?! – бывшую регентшу понесло. Она запрыгала по кабинету, забрызгала слюной. Орала, что журналист – христопродавец и ещё что-то орала. В конце концов, Люба совсем вошла в раж, забылась и завершила истерику странной для журналиста фразой:

– Пошёл вон из храма!!!

Он удивился, мол, вообще-то мы, пардон, в редакции. Люба вдруг заткнулась, победоносно хмыкнула и гордо выскочила из кабинета. Дверь хлопнула, с потолка свалился прусак.

Андрей в недоумении посмотрел на потолок, подошёл к окну, проводил убегающую заказчицу взглядом. Пробурчал «Хм, не хотите – как хотите» и принялся дописывать свой репортаж:

– ...И чего там только не было! Сосиски, колбасы, каких мы в Выдрине никогда не видывали, макароны из самой Турции. Наконец-то там, где раньше прозябала оркестровая яма встали длинные ряды с кока-колой. Счастье пришло в наш маленький городок! Спасибо от всех горожан до-

рогому мэру! Низкий поклон владельцу «Денежки» бизнесмену Михаилу Шлихтензону!

Андрей поставил под репортажем свой журналистский псевдоним «А. Скобелев» и понёс материал главному.

Глава седьмая БОЖЬЯ ПОМОЩЬ

Что ни праздник, вьётся Божьей пташкой на соборной паперти юродивая Аллочка-дайкопеечку. Побирается. А в будни, если храм не служит, она бродит по улицам. Загорелая летом, что твоя цыганка. Взглянув на неё, не всякий скажет, сколько Аллочке лет. Тридцать? Может быть и тридцать. Пятьдесят? Может и пятьдесят. Аллочка и сама не знает сколько ей лет. Аллочке подают, Аллочку ругают. Иной раз бьют Аллочку. В городе знают её. К ней привыкли, как к церковному звону.

Как-то явился ко службе чтец и видит, пусто на паперти, чего-то не хватает – нет Аллочки. Удивился чтец, забеспокоился. Настоятель зазвал чтеца в свою келью, указал ему в окошко – вон она твоя Аллочка, гляди! Жива, здорова, бодра! Ходит в многолюдье по «Денежкиному» крыльцу, успеваешь поворачиваться. Побирается себе: «Дай копейку».

Какая!

Усмехнулся чтец, полез на хоры, а настоятель достал свой блокнот, где копились его мудрые мысли и записал: «Рынок захватывает пленных. Сегодня из-под церковного креста переселилась под «Денежку» юродивая, которую все считали Божьей пташкой. Но и она предпочла кресту денежку. Всё закрутилось вокруг денег. Где-то густо, а где-то... Вчера приходили из детского дома. Жаловались, что денег нет, сирот кормить нечем. Обратились за помощью к властям, а те советуют что-нибудь продать, или ещё чем-нибудь заработать. Пообещал взять над ними шефство. А какой из меня без денег шеф? После службы пойдём к ним с чтецом и Берковичем, посмотрим. Звали. У них там какой-то праздник. Аминь...»

...В тот же день, после службы, отец Исаак с чтецом и Берковичем пили чай в кабинете директрисы детского дома. Та всё сокрушалась, жаловалась на новые времена. Раз даже всплакнула. Сирот, мол, в эти времена откуда-то прибавляется, а содержания никакого. Бьёшься-бьёшься... Картошка и та на исходе, а новой взять негде и не на что. Что делать, если даже в бывшем картофелеводческом хозяйстве, где для сирот её никогда не жалели, картошки нет.

Настоятель пообещал как-нибудь – не знаю, как – помочь, с Божьей, конечно, помощью.

После чая директриса повела дорогих гостей в актовый зал – ребятишки подготовили к празднику концерт. Дети, кто постарше, по очереди выходили на сцену, садились за пианино. Учительница музыки объявляла артиста и его номер, и начиналась музыка. Чтец развалился в кресле, откинул голову и сразу засопел, задёргал ногами в дрёме. Беркович забыл обо всём: так ему здесь понравилось. Он болел за каждого музыканта. Цокал языком, если исполнитель врал. Улыбался и кивал, таял, если исполнитель чётко всё проигрывал. Но чаще всё-таки цокал. Директриса тем временем, придвинулась к отцу Исааку, указала на щупленького пятилетнего паренька, Ваню Теплёнкова, что пригрелся на коленях у нянечки и зашептала:

– Вот, скоро четыре месяца, как парня доставили, а он до сих пор людей боится. Участковый на него случайно наткнулся. В родительской избе, на нетопленной печке... Хотя, избой-то её назвать... так, халупка. На дворе мороз, а пацанёнок забился в угол к стене, посинел весь, дрожит, челюсть от холода свело. Папаша у Ванечки в тюрьме, а мать... Участковый сторожил её, сторожил, да как-то проглядел – загуляла, хвостом виль! – ищи-свищи. А тут как раз комиссия... Стянули Ванечку с печки, закутали в милицейский бушлат и привезли сюда на бобике с мигалкой. Мы хотели парнишку на время в больницу определить, да там что-то не то мест не было, не то ещё что. Ну, мы его себе и забрали, похоже, насовсем. Так ему и сказали: «На-сов-сем»...

...Ваня помнит тот вечер и это «насовсем». Помнит, как испугался милицию, которая раньше папку забрала, теперь его забирает и всех когда-нибудь заберёт, но плакать тогда не стал – сил не было. Только в животе что-то сжалось колко, больно-больно. И жутко, что «насовсем», что уже теперь ничего не будет. Мамка вернётся, а его нет. Искать станет, обидится... А его – насовсем. Ваня дружит только с нянечкой. Говорит мало, почти совсем не говорит. Он пригрелся на нянечкиных коленках, и ему не стыдно, не страшно что его опять будут дразнить. Он слушает пианистов. У него горят глазки, колотится сердце. Он никогда не видел пианино, не слышал его даже по телевизору, поскольку не знал, что такое телевизор. Он замер в восторге, он про всё забыл! И про милицию забыл, и про своих котят, которых растоптал папка своими сапожищами. И про дядю Вову, который приходил в гости, и мамка тогда замыкала Ваню в погребе, а там холодно и крысы...

Когда закончились все весёлые сценки, когда доигрывала последняя исполнительница, нянечка подвела Ваню к директрисе. А тот – все глаза на сцену, где пианино, тянет ручонки.

– Вот, представляете, Лариса Павловна, карапуз наш тоже просится выступать!

– Ванечка, ты разве умеешь? – у директрисы заулыбались подведённые глаза. – Ребята ведь этому учились.

Ваня кивал и тянул руки к инструменту, мол, умею! Я же видел, как другие это делают! Лариса Павловна улыбнулась и перемигнулась с учительницей музыки, мол, объявите его, пусть попробует. Ваню объявили, батюшка Ваню перекрестил, благословил: «Давай, парень, с Божьей помощью».

Ваня взлетел на сцену, уселся за инструмент и впервые в жизни ударил по клавишам...

Инструмент вначале вздрогнул, хныкнул, всхлипнул, потом жалобно заныл. И вот постепенно нытьё, превратилось в плач. Плач нарастал, нарастал, потом сменился тихим говором. А Беркович слышал, как шумя крыльями, пролетели птицы. Целая стая! Прокричала где-то цапля, захрюкал в чаще кабан, зашелестел в страхе листьями вечерний лес... Потом где-то опрокинулся вдруг стерилизатор – стало щекотно и пианино расхохоталось! Оно заливалось весёлым летним смехом, задорило слушателей, куда-то звало, летело. Беркович прикрыл глаза и внимал, внимал... Беркович принимал всё, что нёс в маленький актёрный зал расстроенный инструмент. Беркович кивал, соглашался, даже не цокал. Пианино отсмеялось и стихло. Зрители молчали. Беркович заёрзал. Нагнулся будто бы завязать на ботинках шнурки и там вытер набежавшие вдруг слёзы. А ещё Беркович подумал, что Божья помощь – это вот она и есть. Иначе это не объяснялось...

Вечером в пустом храме совершали крещение. Чтец напросился в кумы. Священник водил Аркадия вокруг купели, чтец голосил «Елицы». Елицы взлетали под купол, радовались там, шумели крыльями. Аркадию было светло на душе, тепло на сердце. А потом в настоятельской келье пили чай. Какой это был чай! Никому таки даже не снился такой чай! Аркадий не утерпит, нет-нет да и потрогает через рубашку свой крестик. Любопытно ему, нравится ему крестик. Потом Аркадий с чтецом полезли на хоры разбирать будущую службу, а батюшка остался молиться. Когда со службой сладили, отправились с кумом по домам, а батюшка всё молился. На паперти встретили Аллочку:

– Дай копеечку!

– Вернулась, – обрадовался чтец, – ну и правильно. Кому ты там нужна? На тебе ириску...

...Городок отходит ко сну. Белую козу загнали в сарай. Куры нахохли-

лись на жердях. Беркович всё не уснёт – ёрзает, ёрзает: Ваня Теплёнков не идёт из головы. Окно открыто. За рощей встаёт месяц. Где-то близко-близко перепиливают свои скрипки сверчки. В потемневшей реке больше нет русалок – уснули рыбы, очарованные раки таинственно пятятся...

В ворота детдома пятится самосвал с картошкой. Шофёр говорит сто-рожу, что в ночь собирались гнать грузовики на Москву. Вдруг является начальник и приказывает, чтоб одну машину свезли сюда. Так что принимайте...

...Отец Исаак поднимается с колен, снимает епитрахиль, закрывает ака-фистник, берёт под язык валидол. Шефство, с Божьей помощью, ему что-то тяжело даётся.

Глава восьмая РАЗЖАЛОВАНЫ

Это случилось на ближних подступах к Костроме.

Город уже возник на горизонте, дома встали в мареве, рекламные щиты по трассе – всё чаще и чаще. А тут вдруг сзади патруль:

– Эй вы, дезертиры! – румяные курсанты с повязками, с ними лейте-нант. И все просто валяются, ухохатываются: – Эй, вы! Вы с какого фронта драпаете? С Карельского? Что, дали вам фрицы?

Маргиналы смутились, переминаются с ноги на ногу, мычат. А тут к па-трулю ещё и подкрепление – майор в бобике. Курсанты вытянулись, лейте-нант доложил майору, что вот, мол, поймали. Форма у них хоть и не устав-ная, а погоны-то как раз, всё как положено...

Майор оглядел бородатых бичей:

– Нн... да-а... – хохотнул. – Нам бы тогда, в девяносто пятом этаких во-инов. В том ущелье все ваххабиты передохли б на хрен со смеху. Хы-хы!..

И вдруг заорал на патрулей:

– Что, развлекаетесь? Делать что ли не хрена? Так я вам щас работу най-ду! Я вас, сынков! Погоны с этих долой, пинка им под зад! Разжаловать, нахрен, в партизаны, и марш все отсюда к этакой мамочке!

Майор хлопнул дверцей, и зелёный бобик укатил.

Без погон и в дурном настроении пнутые бичи сошли с трассы и пово-ротили от Костромы прочь – ну её.

– Сдаётся, коллега, в этом городе мы уже бывали. Нет охоты туда опять, так сказать, после радушной встречи...

– Да уж. Тем более, коллега, что везде одно и то же: отель, ресторан, са-уна, бильярд. Тьфу!

– Да...

Просёлок тянулся лугами, полями, опушками. Разжалованные бомжующие партизаны достигли берёзового леса, стали лагерем у ручья под кручей, развели огонь, прилегли возле.

– Везде одинаково, да... А помните, коллега, как мы с вами впервые летели в Каир? Хе-хе... Надеялись...

– Хе-хе-хе! Как же, как же! Я ещё сомневался, получится ли. Правда, путешествовать в почтовых кофрах, так сказать, не очень-то, но... Хе-хе-хе!

– А я ещё, грешным делом, тогда подумал, мол, хорошо, что выжили моих аспирантов с кафедры, что им пришлось устраиваться в Шереметьево. Один – носильщиком, другой – грузчиком, третий – уборщиком на таможеню... Хе-хе... Выучили мы специалистов! А хорошие ребята получились, талантливые, находчивые, правда? Если б не Коплановский...

– Нн... да... Ну, а что толку – надеялись... В Каире что ли по-другому? И там, как везде. Гид привозит туристов к пирамидам: «Напитки – там, фоткаться – лучше во-он там, дешёвые сувениры – вон там, у цыган. Быстро покупайте, пейте, фоткайтесь и в автобус». И мы вокруг этого колобродим. Ради чего летели? К раскопкам нас эти французишки всё равно, так сказать, не подпустили. Даже около постоять не дали, как ни упрашивали. Полиция ещё эта в Гизе... до сих пор шрамы на запястьях... Хорошо хоть в Египетский музей просочились, так сказать, пока у этих намаз... Хе-хе-хе!..

– Хе-хе-хе... Но второй раз я б там ночевать не согласился, жутко. Особенно после вашей лекции про взгляды древних египтян на загробную жизнь. Всё время кто-то ходит, стонет, дышит... Вы помните? Я как вспомню – мурашки.

– ...И на всей планете, коллега, так же. И возле Акрополя, и у Колизея. Всюду цыгане с китайскими сувенирами. На раскопки мы так ни разу и не пролезли. Хорошо, что в Мексику тогда не полетели, тамошних, так сказать, цыган-майя с дешёвыми прохладительными напитками смотреть. Хе-хе-хе!

– Пожалуй. Ещё одного перелёта в кофре я б не пережил. Хе-хе...

...От ручья раздался всплеск. Партизаны вздрогнули: малёк взвился над водой, за ним взлетела щучка. В минуты испуга у человека – идеальное зрение. Малёк – успели они разглядеть – балансирует в полёте хвостом, изворачивается, чтобы мордой – в воду. Щука разевает пасть, видны её слюдяные зубы. Малёк хохочет, плюх! – и круги понесло течением вниз. Щука перелетает кромку воды, суётся мордой в песок, трепыхается на берегу...

Время подходит к ужину. Партизаны запекают щучку в золе. Замотали её в лопух, как миленькую, насовали дикого чеснока. Над кострищем плывёт аромат. У ручья нашлась мята и ежевика – кипятят листья в ржавой консервной банке – время подходит к чаю.

– Коллега, вы никогда не задумывались...

– Хе-хе! Нет!

– Хе-хе-хе! Я серьёзно. Ну, вот, смотрите, за двадцать лет мы с вами и мокли, и мёрзли, а ни разу, так сказать, даже насморка не схватили. Не странно?

– Я об этом думал. И скажу больше: у нас внезапно предвидится ужин. Сколько раз так бывало? Постоянно. Мы этому, коллега, даже перестали удивляться. Мы, так сказать, даже выпить всегда могли, когда хотели. И спим, пока самим не надоест. Это как вам?

– Нн... да... Чудеса. А мы их – чудес – уже, так сказать, и не замечаем, привыкли...

...Ручей начинает розоветь: солнце – к закату. Там, где ручей образует котёл, заиграла верховка, поплыли круги. Над осокой заklubилась розовая мошкара.

– Знаете, коллега, кого я всё чаще вспоминаю? Вашего ассистента. Помните, такой задумчивый. Вот с ним бы на эту тему поговорить. Мне всегда казалось, что он знает что-то, так сказать, этакое... Где он теперь, не в курсе?

– Помню, говорили, когда это всё, так сказать, завертелось, что он будто бы огорчился и постригся где-то в монахи.

– Вот чудак. Впрочем... И что?

– Не знаю. Я, коллега, признаться, не помню даже, как его зовут. Мы не особо дружили. Помню, он спокойный, молотит своё, идёт, так сказать, танком. К нему одному Коплановский в соавторы не втирался. По-моему, даже побаивался. Наверное, неплохой был бы учёный. Да и мужик ничего, серьёзный, так сказать...

...В леске топот – кажется, ёж проснулся. Тянет сыростью от ручья. А в бушлате тепло, уютно. Вага торчит из локтей. Из-за ворота – вага, мягко.

– Помню, коллега, вы, так сказать, параллелили нас с эмигрантами времён Великого Октября...

– Ну...

– А я вот о чём думаю: те изгнанники почти сразу нашли себе, так сказать, службу, несли кому-то пользу. С нами ведь иначе – мы почти двадцать лет никому не нужны: ни здесь, ни за кордоном. Вы сами это видели. Торговать-то мы так и не научились. А за годы мы друг для друга, так

сказать, – как аббат Фариа для Дантеса. Судите, коллега, сами: вы историю знаете теперь не хуже меня, и нашу и любую другую. Я в поэтах разбираюсь благодаря вам, могу даже лекции читать. Помните, как тогда в Коктебеле на Волошинской, так сказать, сходке? Вы ещё меня хвалили. На географии мы с вами такую собаку съели, что Конюхов утопится. Хе-хе... Однако наш багаж нигде не потребен – мы всё ходим, ходим, нигде на планете его не приткнём. Мы больше похожи не на изгоев, а, так сказать, на тех древних евреев – будто мы сами вырвались из Египетского рабства и бродим кругами по пустыне, до чего-то, так сказать, созреваем. Кто-то нас куда-то ведёт, кормит, и где-то, так сказать, неясно за горизонтом какая-то обетованная земля.

Коллега уже похрапывал. Коллега не слышал про обетованную землю. Коллеге снился наглый рыжий филолого-лингвистическо-параллельный бобр на сковороде.

А оратору всё не спалось. Он глядел куда-то вдаль. Там мерцала огнями деревенька. Желудок вдруг заурчал. Оратор закрутил головой, отмахнулся:

– Да Бог с ним, с мёдом и млеком... Но ведь хоть где-то мы должны быть нужны!? Где-то ведь есть оно – наше, так сказать, отечество?.. А? А?!!

– А! а! а! а! – эхо понесло партизанское отчаяние по-над берегом, далеко-далеко понесло...

...Звёзды за день выпались. Ярко высыпали звёзды на тёмно-синее своих Медведиц. Показывают звёзды партизанам своих Псов, хвалятся Водолеем – глядите! Не глядят партизаны. Отяжелели веки. Храпят партизаны бородами вверх. Завтра опять... ещё один тактический переход. Где-то ещё ждёт их обетованная земля – их настоящее отечество...

Глава девятая КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Областной краевед не получил похвал от своих краеведческих коллег...

Его брошюрка «Города и веси нашего края» не провалилась с треском. Автора не предавали анафеме, ему не давали премии. Брошюрку просто не заметили.

О, времена!

Не было презентаций, не было критики. И ладно бы. И пусть! Но пусть бы не заметили её всю! А то ведь нашёлся один дошлый, развернул брошюрку именно на этой треклятой главе «Выдрин». Прочёл эту самую короткую статью: «Достопримечательностей в Выдрине нет»...

В воскресенье краевед собирался снова выехать в Выдрин. Но эта поездка была вынужденной. Накануне он получил от своего Выдринского знакомого, того, который водил его по городку в прошлую экспедицию, весьма недвусмысленную эсэмэску: *«краивет приежай срочна у нас естдвэ досопри-мечательности есьмужик который может выпитьносом стакан водки и есь кривое дерево срочнаприежай фоткат ато я тебе гад в мордудам»*.

В морду не хотелось. И первым автобусом краевед выехал в Выдрин.

На подъезде на краеведа напала непреодолимая зевота. Выходя из автобуса, он всё ещё не мог с ней справиться. Зевая, он отправился по пыльным выдринским улочкам отыскивать дом своего разгневанного провожатого, у которого был всего однажды.

Над городом плыл в утреннем воздухе соборный благовест, тополя дышали утренней свежестью. Краевед шёл, позёвывая, крутил головой, высматривал, нет ли где угрюмых шершней. Но шершней не было. Была собака. Она высунула морду из-под ворот, и, когда краевед, крутя головой и зевая, поравнялся с ней, она его цапнула.

Злой, зевающий и укушенный краевед наконец набрёл на искомый мрачный дом над оврагом. Он подёргал на воротах кольцо – заперто. Принялся стучаться и услышал, как во дворе стал рваться с цепи пёс. Похоже, гостей здесь не ждали. Уезжать, не сфотографировав достопримечательности – мужика, пьющего носом водку и кривое дерево – не хотелось, и краевед принялся барабанить, что есть духу.

Через полчаса ворота отворились и показалась неюная баба в халате, жена провожатого.

– Я тебе постучу! Я тебе щас по башке постучу! Чего на...? – баба вдруг узнала краеведа, смягчилась: – А, это ты... – зевнула.

Краевед поведал ей о своём срочном визите, что надо, мол, сфотографировать ваши Выдринские достопримечательности. Спросил, где её муж, проводил бы, показал.

– Где ему быть-то? Дрыхнет обормот. Он всегда матерится, когда его по утрам колокола будят. Вот и сегодня, матерился-матерился, ворочался. Нет, говорит, Нинка, хрен тут уснёшь. Хлопнул два стакана самогону и – привет. Дрыхнет, да. Не добудишься.

– А кто ж мне теперь покажет вашего знаменитого мужика? А кривое дерево?

– Да хошь я тебе его покажу? Хы-хы-хы! Вон он, аспид, лежанку давит.

– Так это он самый и есть? Носом-то?

– Ага, всем так говорит, мол, носом. Только никто не видал. А так-то он и не один стакан может...

– Нн... да... Ладно. Ну, а дерево? Кривое причудливое дерево? Ваша достопримечательность?

– Да я и не знаю, где это. Мужик-то мой говорил, есть, мол, какое-то чудное дерево где-то по-над речкой. Да я-то не видала, не знаю. Да это ты и без него найдёшь, ступай вон на берег и ходи там...

– Ну, а может ещё хоть какие-нибудь у вас тут достопримечательности, а? Ну хоть что-нибудь? Может вон хоть церковь?

– Да ты что, церковей что ль не видал? Тоже мне, достопримечательность. Мой-то, как с утра звон слышит, так тебе сразу расскажет, какая это достопримечательность. И то правда, как выходной, так спать не дают. И чего им: дзынь да дзынь, дзынь да дзынь...

...В печальном настроении, опасаясь угрюмых шершней и коварных собак, отправился краевед на берег. Долго шёл вниз по реке. Не нашёл причудливого кривого дерева. Уморился. Сходил в «Денежку», взял с горя водки и закусить. Сам раздавил на берегу бутылку, сам слопал невиданные сосиски.

Когда весело пошёл по реке вверх, сразу наткнулся на искомый предмет. Дерево и впрямь было настолько причудливым, что просто просилось в кадр, просилось в новую брошюрку. Изогнутое-преизогнутое, ветки набекрень, шапка до пупа, ботинки фигами. Пока шарил по карманам, искал свою «мыльницу», дерево убежало. Но скоро он повстречал другое – гладкое-гладкое, высокое превысокое, шея гнутая как у цапли, башка дюралевая и неоновая лампа бельмом. Настоящая загадка местной природы! Принялся фоткать его.

Достопримечательности в Выдрине всё-таки были.

Глава десятая ЛЮБОВЬ В КАБИНЕТЕ

На улице Ленина, против стадиона «Маяк», дерутся коты. Один серый, другой белый, как в гусиной песенке. Громко дерутся, качественно, отчётливо, с шерстью. В областных городах иногда дерутся коты. Неподальёку от этой потасовки расположилось одноэтажное здание епархиального управления. У подъезда машина владыки – белая. Рядом другая, с московскими номерами – серая. Но это так, к слову.

Любовь Козлова справилась у охранника, не занят ли епископ. Тот ответил, что у епископа гость.

– Гость!?

«Подумаешь, гость! – возмутилась себе Козлова Любовь. – Гость, может, и подождать, пока я с епископом решаю вопросы. Ждала же я целую не-

делю, пока от него – ни ответа, ни привета, ни нового настоятеля», – и направилась напрямиком в архиерейский кабинет.

Владыки в кабинете не было. Под образами, под теплящейся лампадкой, расположился гость – старенький сухонький батюшка. Аккуратная беспросветно-белая борода, белые волосы забраны в хвостик. Напротив священника сидит молодой румяный послушник. Между их креслами – журнальный стол с кипой всевозможных газет. В отсутствие владыки послушник развлекает батюшку газетными новостями:

– ...министр обороны Грачёв...

– Ась? Как-как? Мениск у вороны с грачом? Ай-яй-яй... Ох...

– Да нет же! – орёт послушник, – министр о-бо-ро-ны!!!

– Ох-ох, мениск у вороны! – сокрушается глухой батюшка и жалеет неведомую, далёкую, но всё же такую несчастную ворону с заболеванием футболиста.

Послушник вздыхает и, не давая старичку опомниться, скороговоркой дочитывает новость про министра обороны и его очередной приказ. Затем переходит к следующей статейке:

– В аэропорту Мадрида с борта российского самолёта пропали два почтовых кофра.

Батюшка одобрительно кивает: угу, дескать, пропали два полштофа охры.

– Полиция обнаружила кофры в одном из дворов, неподалёку от дома-музея Сервантеса, где велась раскопки. Оба пустых кофра возвращены компании «Аэрофлот». Инцидент вызвал недоумение...

– Молодцы, – прерывает батюшка, – могут ведь и у нас хорошие валенки делать, если захотят, дай Бог здоровья.

В кабинет явился епископ, и послушник, облегчённо вздохнув, отложил прессу.

Любовь Козлова доложила епископу, кто она такая. Владыка кивнул, и молча прошёл к своему аквариуму, принялся кормить рыбок и что-то грустное напевать под нос. Люба в ожидании его слова топталась возле кресла старенького батюшки, пока тот её – «миленькую, хорошую, ласточку» – не усадил. Епископ всё любовался рыбками. С одной стороны зайдёт, с другой. Постучит ногтем по стеклу....

Внезапно он повернулся к посетительнице:

– Знаете, а я всё время пытался вас себе представить. Да... Вот, как только прочту очередную вашу жалобу, так и думаю, думаю. Признаться, я полагал, что вы старуха. Да... Знаете, такая баба-яга. А теперь смотрю – нет. Вполне симпатичная, молодая. Да...

Владыка прошёл к рабочему столу, уселся. Извлёк из ящика Любино письмо, положил перед собой, расправил.

– Вот, вы пишете, что настоятель опять не такой. А я всё думал, думал... Я ведь лучшего своего священника вам послал. Да... Присылал тощего, вы жаловались, что он, наверное, скоро помрёт. А раз перед смертью ему терять нечего, то вынесет из храма все иконы и пропёт. Присылал молодого, жаловались, что раз у него молодое здоровье, то он, наверное, сможет столько пропить, сколько «денег на приходе нет и во всём городе тоже». Отправил теперь толстого и вот... – «наверняка не постится», – владыка замолчал. Прошёлся к окну, постоял... Внезапно повернулся к Козловой:

– Скажите, вы замужем?

– Зачем вам?

– Ну да, ну да... Конечно же нет, – епископ снова отвернулся к окну.

Там липа отцветает, возит листьями по стеклу. Воробьи затеяли заварушку...

– Но не это всё меня смутило, – обратился вдруг владыка, – другое. Из вашего очередного письма видно, что вы совершенно не понимаете, что такое христианство, да... И при этом не просто находитесь в церкви, а ещё и пытаетесь там командовать. Вы даже не видите разницы между евреем и жидом. Если бы вы, сказали так, как говорите в письме, у нас на Молдаванке, когда я там рос, то... я таки боюсь себе представить...

В Любе при этих словах закипело. Любовь молчала. Любовь сверлила епископа глазами.

Владыка заложил руки за спину и задумчиво прошёлся по кабинету.

– Вы всё время пишете, – заговорил владыка, – что были любимой ученицей отца Макария. Да... Вот, отец Макарий как раз у меня с оказией, заехал на денёк помолиться у мощей...

Люба оглядела белого старца с тёплыми лучистыми глазами. Вспомнила его. Он сильно сдал за годы, пролетевшие с её студенческой поры, изменился просто до неузнаваемости.

– Отче, – обратился епископ к гостю, – вот, барышня, студентка ваша, всё время мне пишет, что вы её любили больше остальных...

Гость забеспокоился, глядел то на владыку, то с надеждой на своего послушника.

– Ась?

Послушник прокричал ему прямо в ухо:

– Владыка спрашивает: больше остальных любили вы эту, отче, даму?

Старчик закивал:

– Да, да, владыченька... как же... очень маму? Очень, очень любили маму. Нас шестеро у неё было... Любили, как же, любили. Надо всех любить, Господь велел... как же...

Владыка улыбнулся:

– Отче, вы бы что посоветовали, как ей надо дальше жить?

Старец на этот раз расслышал всё сам:

– Шить? Дак... что ж, надо и шить. Пусть шьёт, как же... Умеет дак... Дело хорошее, – обратился к ней: – Ты, ласточка, шей. Шей, милая. Видишь, какая ты умница. Наши-то ученицы-красавицы не шьют. Нет. Лянутся, спаси Господи, а ты вот какая, умница. Шей...

Владыка не вытерпел, перебил старца:

– Батюшка, дорогой! Сам Господь нас сегодня здесь свёл! Вы для неё ещё авторитет, меня не слушает, вон, жжёт глазами. Скажите вы ей, глупенькой, что где бы мы ни учились, надо главному научиться – любить людей! Любить! Иначе нам... от Бога это не простится!

Светлый отец Макарий даже руками всплеснул:

– Ох-ох! Не постится! Да как же... Милая, надо поститься, надо, как же... И любить, ласточка, надо. Обязательно надо. Это ж от Бога, милая... как же...

Люба дослушивать не стала. Люба гордо поднялась и обратилась к епископу:

– Эй, вы! Вы слышали? Всё слышали?..

Она подпрыгнула и решительно выбежала вон.

Сегодня новая страшная догадка поселилась в голове Козловой: «Проговорился. Этот таки тоже... с Молдаванки он, одессит... а я ему ещё жаловалась по наивности. Всё. Окопались».

...Наверное, коты уже не дрались. А может и дрались. Любовь не думает о котях. Любовь ничего перед собой не видит. Любовь несётся навстречу ветру, скорее к автостанции, скорее домой. Любовь зла...

Зевая на подъезде к городку, Козлова уже имела в голове план своего доклада патриарху. Первое: сам отец Макарий при свидетелях оценил Любовь Козлову. Козлова лучше всех, Козлова умница. Козлова хорошая, а все остальные – лентяйки. Второе: здесь у нас в епархии окопались. И третье, самое главное: раскрыт заговор. Не дайте им пропить епархию! Пришлите нового епископа!

А ещё «этот» обзывал Любовь Козлову Бабой Ягой. А ещё заигрывал с Любовью. Мол, девушка, вы замужем? Называл глупой! А сам отец Макарий сказал, что Люба лучшая!

Всё опишет Люба. Постарается. Ради спасения епархии постарается. Надо.

Глава одиннадцатая
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ. МЁД И МЛЕКО

Утренний дождик невесомо прошелестел по июльской листве, пощекотал берёзки и убежал. Зачирикали пичуги, радуются. Седые партизаны бредут навстречу солнцу, в голове шелест прошуршавшего шёпотом дождя.

– Коллега, а что-нибудь, так сказать, шелестящее вы прочесть не могли бы? Было бы кстати, для настроения...

– Отчего же... сейчас. Эээ... вот, представьте, коллега, сюжет: жена слишком долго собиралась на гулянье, наряжалась, как ёлка. И вот как она это делала, по мнению поэта:

Бусы вешала на шею,
Поправляла тут и там.
Так менялся, хорошея,
Реставрируемый храм.

Шелест виршей, шевеление широкой жизни, шикарно.

– Чьи это стихи? Я, признаться, не могу определить...

– Я, коллега, увы, не припомню... склероз. Возраст нам с вами подходит. То ли это, Брагин, то ли Чашечников, то ли Николюкин, у них иногда манера похожа...

– Вы не рассказывали про этих поэтов. И я, признаться, не слышал...

– Коллега, мы с вами столько не слышали... из-за Коплановских. А теперь, пожалуй, и вовсе не услышим. Никто их не вспомнит теперь, и не издаст. А издаст – прогорит дурачок. В сауне поэзию не продашь, и в бильярдной тоже...

– Да... А знаете, коллега, я сегодня поднялся в прекрасном настроении. Не пойму... Вспомнил, как всегда, Коплановского, и – ничего. Заглянул в себя, а там – покой. Нет к нему злобы. И скажу вам больше, коллега, я поймал себя на мысли, что даже жалею Коплановского. Вы подумайте: он нам с вами подарил замечательную жизнь, настоящую, так сказать. Мы последние двадцать лет прожили счастливыми! Мы видели столько, сколько на кафедре за сто лет не увидишь. Мы прикасались к такому, о чём Коплановский и не мечтал. Мы умеем жить без документов, нам не нужны деньги. И заметьте, коллега, не выживать, а жить.

– Да уж. В чём Коплановский за эти годы и продвинулся, так это, наверное, выучился сидеть, с кем надо, в сауне. И играть, с кем надо, на бильярде.

– Полагаете? Думаю, он бедняжка и играть-то не умеет. Нет навыка. Он умеет на бильярде проигрывать. Хе-хе-хе! Проигрывать. Кому надо, и где надо.

– Хе-хе-хе...

– А всё же жалко его. Представляете, жизнь прожить, а жизни не увидеть. Всё время проигрывать и проигрывать. ...За кусок хлеба. Ужас...

По голубизне небосвода проплывают облака. Жаворонки заливаются. Двигаются просёлочной Русью седые графы Толстые в окладистых белых бородах.

– Скажите, коллега, а чем это шелестящее стихотворение оканчивается?

– Сейчас, как же... ээ... вот – оканчивается свистящим:

Но идти, как оказалось,
Можно было без прикрас:
Мы с друзьями нализились,
А она таскала нас.

– Хе-хе-хе!..

...Пред бродягами показался вдалеке город.

– Странно, коллега, в нашем атласе на этом месте города нет.

– Сдаётся мне, уважаемый, здесь мы уже бывали. Припоминаете, заслуженного бича видели на доске почёта? Хе-хе-хе!

– Хе-хе... да, и зеваётся вот, а-а-а-а, как в прошлый раз.

Городок приближается. Вот, уже видны рекламные щиты с запоздалой пропагандой минувшей Сочинской олимпиады. Вот и стела «Город Выдрин»...

Золотых ворот в Выдрине нет. Городок начинается внезапно. Поля, луга, посадки и вдруг – бац! – путники уже на городских улочках.

– Не пойму причину, коллега, но у меня с утра такое ощущение, будто наша с вами, так сказать, студенческая пора именно сегодня завершается. И начинается именно – жизнь.

– Странно, у меня то же. Да и пора бы уже, так сказать... Седые студенты, блин. Практиканты... хе-хе...

Над городком несётся благовест. Благовест летит в поля. Благовест летит за реку. Благовест летит в душу. Ворочается угрюмый пенсионер в своём домике над оврагом, клянёт благовест, клянёт жизнь, чтоб её в печень. Вокруг собора – машин! – тьма. Графы Толстые обозревают автомобильные номера, разбираются в географии графы. И откуда только ни прибыли сюда гости! Тут и 77-ые, и 44-е. Графы удивляются, глядят: и 31-е, и 36-е, и 55-е. Всякие! Нашли даже 07 и 95. Чудно!

Графы решают посетить собор, графы поднимаются на паперть...

– Дай копеечку! – это Люба.

...Сколько Любочке лет? Сорок? Может и сорок. Шестьдесят? Может и шестьдесят. Любочка сама забыла, сколько ей лет. Все в городке знают Любочку. Ей подают. Она спасала епархию, сигнализировала тогдашнему патриарху. Уже заклеила конверт, принялась списывать с календаря адрес, увидела его фамилию и – ах! – «Просочились! Окопались!» Любочка писала в ООН, спасала страну – а оттуда ответили: «Вы не замужем? Мужика бы вам надо, Любовь Козлова», – подонки. ...Ох, что-то ни один мужик всё никак Бога настолько не прогневает... Любочка писала в Гаагский трибунал – а там, оказалось, одни алкаши. Теперь Люба пишет премьер-министру всея Большой Медведицы, докладывает, что её ценит сам отец Макарий, а они все – гады. Марки межзвёздной почты подорожали. Ох-ох! Любочка печалится...

Но Любочка не отчаивается:

– Дай копеечку!

Люба накопит на марку – спасёт планету, отправит свой доклад.

Графы дарят Любе сушёного ерша, графы входят в храм.

Служба окончена. Старый чтец задрал голову, кричит на хоры:

– Эй вы, обормоты, дай вам Бог! Опять мой часослов заиграли!

На хорах возня, репетиция на хорах. Сутулый плешивый еврей Беркович руководит, стучит палочкой по пульту:

– Не отвлекайтесь-таки, братья, на этого доброго чтеца. С первой цифры, ля-фа-ре, – взмахивает палочкой и на графов обрушивается мощно: «С на-а-а-а-ми-и-и Бо-о-ог!!!»

Боже! Какой хор! Какой это хор! Никому таки даже не снился такой хор! Корова снилась, бобр снился, а этакий хор никому не снился!

На хорах румяный крепкий мужичок Ваня Теплёнков. Только теперь его фамилия не Теплёнков, а Беркович – усыновил его еврей, ещё тогда, в девяносто пятом. На хорах Изя Ройзман, только теперь он не Изя, а Яков – окрестил его отец Исаак. Баритон Гриць Опанасенко, что перебежал из Сумской филармонии, говорит: «Что Израиль, что Яков – одна мотня. Хрен редьки не слаще». А чтец с ним не согласен. Не хорошо, мол, употреблять в Божьем храме слово «хрен». В повесть воткнуть для колорита ещё – куда ни шло, а в храме никак нельзя. С ним согласен старенький тенор Ильшат Муртазин – заслуженный артист, которого выжили из Сызранского драматического. С ним согласен Николай Крюков – бывший бас из Борисоглебска. И все с ним согласны.

Боже! Какой хор! Какой это хор! Разумейте, языцы, и покоряйтесь!

Прибирается в церкви Лариса Павловна, пылит веником, возит тряпкой. Плохим шефом оказался отец Исаак – не стало денег, закрыли власти детский дом. Пришлось отцу Исааку самому построить в городе церковный детский дом. Добрые люди помогли, с Божьей помощью. Там Лариса Павловна теперь и работает, а в храме просто прибирается.

Когда городской детдом закрыли, он тут же скрылся под пластиком. Там теперь сауна, бар и бильярд. Журналист Кобелев тогда писал, что наконец, мол, в наш городок пришло счастье. Низкий поклон бизнесмену Шлихтензону. Кобелев любит кланяться Шлихтензону. Раз поклонится и неделю пьёт.

Наши графы всё стояли и слушали репетицию. И тут перед ними является...

– Коллега, это же ваш ассистент!

...отец Исаак с игуменским крестом на шее!

– Братцы, вы нашлись! Я за вас с самого девяносто пятого молюсь. Вы пропали, я всё молюсь и молюсь, – седой игумен прослезился, – где вас носило... столько лет...

Графы принялись рассказывать, где их носило столько лет, но не рассказали и тысячной доли. Отец Исаак поселил их в новом братском корпусе, который он недавно выстроил, с Божьей, конечно, помощью.

Графы преподают в гимназии, которую с Божьей помощью открыл отец Исаак. Вечерами графы рассказывают про финские озёра, Кейптаунские порты, испанских монархов и сибирских писателей. Графы публикуются. Их бороды теперь хорошо известны даже и в столичных учёных кругах...

...Отходит ко сну маленький городок Выдрин. Укрывается облаками от глазастого спутника. Сияют подсвеченные кресты над городом. В реке, где больше нет русалок, засыпают рыбы, очарованные раки таинственно пятятся. Отражается в потемневшей воде загадочное дерево – единственная в городе достопримечательность. Шуршит камышами бобр...

ЛЮДМИЛА МЕХЕД

53 года. Родом из Карелии. «Моя Родина, – пишет Людмила Мехед, – синеокая Карелия. Республика синих озёр и рек, необъятных лесов и болот. Всё есть в ней: скалы, болота, поля, реки, бескрайние озёра, леса... Природа нашего края уникальна – очаровывает своей красотой и величием. Волшебные белые ночи, когда можно читать книгу всю ночь, без света... Синие дали огромных озёр, множество различной рыбы в них... Леса, где растёт много ягод и грибов, где водится много зверей и птиц... Самое большое достояние – это люди, трудолюбивые, спокойные, гостеприимные...»

Публиковалась в журналах «Иван-да-Марья», «Сказка на ночь», «Кипиня», в газетах «Карельские контрасты», «Муезерсклес», «Наша жизнь», «ОМА МУА». В 2017 году выпустила книгу «Ты, Карелия, навек в моей судьбе».

Рассказы из цикла «Людские судьбы»

ОДИН ДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Баба Маня по деревенской привычке проснулась рано. Выглянула в окно, а там темно и снежно. Пошла на кухню, загремела кастрюльками, затем чиркнула спичкой и подожгла бересту, – (дрова были сложены в печку с вечера), – береста затрещала, огонь весело стал облизывать сухие полешки. Старушка взяла лопату и пошла чистить снег во дворе. В будке проснулся Пират, вышел, потянулся и стал радостно вилять хвостом хозяйке.

– Ну, чиво-о-о, не замёрз, проказник? А снегу-то навалило, где и сил взять, ить всё очистить надо, – бабуля разговаривала с собакой.

Пират тяфкнул, будто отвечал ей. Хозяйка стала разгрести снег, очищать тропинки. Ветер намёл сугробы, снег лежал пуховым белым покрывалом. Звёздочки сияли на небе и перемигивались с остророгим месяцем. Баба Маня остановилась, чтоб передохнуть и стала внимательно осматриваться, горит ли свет у соседки Лукерьи, тянется ли дымок из трубы у Макарьевны. Слава Богу, и свет горел, и дымок тянулся, значит, живы соседушки. Пока чистила снег, загремели вёдра в соседнем дворе – это Луша вышла к колодцу за свежей водицей.

– Лу-у-уша, заходи на чай! – прокричала Маня.

– Зайду-у-у, Ма-а-аня, – ответила соседка.

Маня пошла в дом, стала варить суп да печь блины. А через часик заглянула Лукерья, а потом и Макарьевна пожаловала. Бабули сели пить чай да беседовать.

– Ох, снегу-то нонче навалило, еле-еле расчистила двор-то.

– Spина, прям, раскалывается, так и ломит, – сказала Маня.

– Да-а-а, много, видно, будет воды весной, – отвечала Макарьевна.

– Зима снежная, много будет воды, да и урожай будет, – проговорила соседка Лушка.

– Ой, Лушка, будут ли силы огороды-то сажать? – отвечала Маня.

– Скоко сможем, стоко и посадим, – констатировала факт Макарьевна.

– И то правда, спину натрём да по-тихому и посадим, – вздохнула баба Маня.

– Маня, подлей чайку горячего, больно блинки твои смачные, – попросила Луша.

– Манюня, и мне подлей чайку, – сказала Макарьевна и подвинула свою чашку.

Баба Маша пошла наливать чай приятельницам. Всю жизнь старушки прожили в этой деревне и стали, как родные. Делились своими проблемами, да и радости делили пополам. Когда-то у всех были семьи, да вот остались они под конец жизни одни. Дети выросли, уехали в город жить, а мужья умерли.

– Ой-й-й, а мне вчера звонил Васька-бобыль, из леспромхозова посёлку. Обещал дров пилё-о-оных привезти, – вспомнила Макарьевна.

– А-а-а, я думала, что сватался Вася к тебе, – засмеялась Лукерья.

Баба Маня улыбнулась и морщинки собрались у её глаз, а Макарьевна промолчала, как будто и не слышала.

– А скоко стоять-то будут пилёные? – заинтересовалась Маня.

– А ить четыре куба за восемь тыщ-щ-щ.

– Ох-х-х, дорогу-у-ушие, ить вся пенсия уйдёт, – завздохала Лукерья.

– В феврале восемьдесят лет исполница, так говорят, что ить пять тыщ-щ-щ прибавят к пенсии, – отвечала Макарьевна.

– Вот тогда и ращ-щитаюсь с Васькой-бобылём.

– А ить правда, в холодной избе не будешь сидеть, – сказала Лукерья.

– Бабоньки, а мне на той неделе почтарка Лидка говорила, что в Выселках Катя-телятница угорела насмерть, – вспомнила Маня.

– Ишь ты-ы-ы, а как это она, милая, так сподобилась? – пожалела Лукерья.

– Говорит, что печки стопила, да пожарчей, и закрыла, а сама в байню ушла, а как намылась, потом на диван прилегла, да и уснула... – рассказывала баба Маня.

– Ох-х-х, вот жись наша непредсказуема. Упокой, Господи, рабу Божью Катерину и прости ей согрешения вольные и невольные и даруй Царствие Небесное. Аминь, – Макарьевна перекрестилась на икону, что висела в углу кухни.

– Чистая ушла Катерина... – похвалила Маня.

Бабули тоже перекрестились на икону и горестно вздохнули.

– Эх, соседуски, скоро ведь праздник. У кого соберёмся нонче? – спросила Макарьевна.

– У меня-а-а, моя очередь, – отвечала Лукерья.

– А ёлку-то ить бум ставить? – взглянула Маня на подружек.

– Ага-а-а, маленькую поставим. За огородом-то выросла небольшая, вот её и вырубим. Посмотрим телевизор, да песни попоём, да, соседуски? – проговорила Луша.

Бабули согласно закивали.

– А что готовить будем? Оливье? Да картошку тушёну? Огурцы солёны, да капустку квашену? А пирогов Макарьевна напечёшь, да?

– Ага-а-а, напеку с капустой, с брусникой да с грибочками, – согласилась Макарьевна.

На том и порешили.

– А байню-то ить будем топить перед праздником? – спросила Маня.

– А как же, байню обязательно, закон такой... – проговорила Луша, да и Макарьевна кивнула головой.

– Ой, бабоньки, надо бы ить на почту сходить да денег детям-то в город отослать на подарочки, да вот ноги очень болят, – посетовала Макарьевна.

– И то правда, надо собраться да и сходить с пенсии-то, внучата будут рады, – сказала Маня.

Старушки допили чай, поблагодарили хозяйку и пошли по домам. Баба Маня вымыла чашки да села вязать носки для внучат. Кошка Муська устроилась у ног хозяйки на полочке. Она скрутилась клубком и посапывала во сне. А в голове её хозяйки крутились думки. Как же там дети в городе праздник отметят, ить, поди, всё очень дорого стало... Праздники длиннущие... А, может, и в деревню-то наведаются да навелят свою старую мать? Баба Маня с улыбкой стала вспоминать внучат и их летние шалости в деревне. За окном потемнело, ветер стал напевать свою песенку, а бабуля вязала: петелька за петелькой, петелька за петелькой, и с каждой петелькой на душе становилось спокойно и тепло. А на стенке мерно тикали ходики и приближали новогодний праздник.

ДЕТСТВО. ВОСПОМИНАНИЯ

Память часто возвращает в детство, в мир добра, ласки, дружбы, любви. Помню, как мама вставала утром и пекла вкусные блинчики на завтрак. Потом подходила к кровати и будила, гладила по голове:

– Лю-ю-юся-а-а, вставай. Пора-а-а. Завтрак из любимых блинчиков готов. Одевайся теплее, вот носки вязанные тебе. На улице морозно.

Я пряталась под одеяло с головой и нежилась несколько минут. Затем в комнату забежал кот Васька и прыгал на мою кровать. Он лапками начинал перебирать одеяло на мне и мурлыкать, мол, вставай, засоня.

Я поднимаюсь, одеваюсь, иду завтракать. Ажурные блинчики с вареньем и свежий чай с травами были очень вкусными. Мы быстро ели, я благодарила маму:

– Мама, спасибо. Очень вкусно, я наелась. А ты пойдёшь меня провожать в школу? Папа давно ушёл?

– Да, давно. А я уже дорожки от снега расчистила и финки¹ подготовила, – отвечает мама.

Я улыбаюсь, рада, ведь на улице мороз и снег, а до школы около трёх километров.

Мы одеваемся. Мама завязывает мне бабушкин большой платок поверх моего зимнего пальто и усаживает на поткури². В руках у меня портфель и мешок со второй обувью. Мама встаёт сзади на полозья саней, отталкивается ногой, и мы выезжаем на дорогу.

– Ну держись, Люся. Прокачу с ветерком! – посмеивается она.

Я радостно смеюсь. По дороге едут машины, они освещают нам путь. Мы обгоняем моих одноклассников, они идут небольшой группкой. Девчонки машут мне вслед:

– Счастли-и-ивая, на поткурах. Везёт же Люсе...

В школу мы приезжаем одни из первых. Мама снимает с меня бабушкин платок и уезжает домой.

После школы я возвращалась домой с одноклассниками.

...Вспоминаю осеннюю пору, когда всей семьёй ходили в лес. Собирали грибы и ягоды, ещё и лишние грибы, ягоды рябины сдавали в заготконтору.

Очень любила я собирать волнушки и грузди. У мамы было одно заветное местечко и там мы всегда набирали этих грибов. Рядом с тем местом протекал ручей: вода светлая, чистая, холодная, аж зубы сводило. Но было интересно и вкусно испить той водицы. Мама срезала с берёзы кору и делала ковшик, складывала бересту кулёчком и скрепляла толстой веткой, она служила ручкой. Вот из такого ковшичка пили мы, а потом этот ковшик оставляли возле ручья на пеньке, чтоб и другие могли попить воды.

– Мама, а люди будут пить и говорить спасибо за ковшик? – спрашивала я.

– Да, так заведено, чтоб у водоёма был ковшик, – отвечала мне мама. – Ещё есть негласный порядок: оставлять в лесной избе соль, спички, чай, сухие поленья. Это надо для того, чтобы любой путник в непогоду мог обогреться и выпить горячего чая. Поэтому наш папа всегда в избе оставляет всё это для людей, и все рыбаки и охотники делают то же самое.

– Ага-а-а, правильно, – соглашаюсь я.

...Снова вспоминается зима и наши лыжные прогулки. Собирались мы с детьми нашего двора и уезжали далеко в лес. Катались с высоких гор, иногда ломали палки, а лыжи были широкие и крепились к валенкам.

---

1 Финки или поткури – финские санки с высокой спинкой и длинными полозьями.

2 Поткури – см. примечание 1.

Домой приезжали вечером в темноте. Щёки горели, спины – взмокшие, одежда стояла колом от мороза. Но мы были все радостные и болели редко.

Когда появлялся крепкий лёд на реке, то доставали коньки и санки. В выходные дни нас было не загнать домой, мы забывали о еде, целые дни проводили на улице со своими друзьями.

Вот так, в дальних уголках нашей памяти хранятся самые дорогие воспоминания, и они согревают нас всю жизнь.

СВЕТИНА ИСТОРИЯ

Лето. Деревенские дети пошли на речку купаться. За ними побежала собака Жулька. Девочка Света была хозяйкой этой собаки. Дети быстро побросали свою обувь и одежду на берегу и с весёлыми криками полезли в воду. Вода сразу показалась холодной, но потом тело привыкло и стало тепло. Ребята брызгались, громко смеялись, плавали наперегонки.

– Артём, догоняй, – кричал Серёжа и быстро уплывал по течению реки.

– Марина, поплыли рядышком, одна я боюсь далеко уплывать, – просила Катя.

Марина барахталась рядом, она согласно кивнула подружке.

Жулька сначала бегала по берегу и жалобно повизгивала, махала хвостиком, а потом осмелилась, зашла в воду и поплыла.

– Жуля, Жулька, плыви ко мне, – звала хозяйка.

– Жулька, догоняй меня, – смеялся Артём.

Собака плавала за детьми, а они смеялись. Когда собака устала, она вылезла на берег, встряхнулась, да так, что все брызги полетели в разные стороны. А затем она легла в песок и стала кувыркатся. Вскочила с дорожки, а сама стала грязной и смешной, комья грязи висели на её шерсти. Дети смеялись над грязнулей.

Света, Катя, Марина, Артём и Серёжа вышли из воды на берег и стали бегать, играть в догонялки. Собака присоединилась к ним. Она бегала за детьми и громко лаяла, а когда догоняла кого-то из детей, то прикусывала логонько за кожу на ноге. От таких нежностей всем становилось еще веселей.

– А-а-а, меня Жулька догнала, – кричал Серёжа и весело и громко смеялся.

Вдруг Света вскрикнула и присела на траву. Оказалось, что она наступила на стекло. Света захныкала, ей было больно.

– Ребя-а-ата-а-а, у меня кровь из ноги, – заканючила она.

Жулька сразу стала лизать лицо хозяйке, а потом и ногу – с раны сочилась кровь. Дети расстроились, все быстро оделись, натянули платье на Свету.

Потом приложили лист подорожника к ране на ноге девочки и завязали майкой, а потом Сергей и Артём сложили руки крестиком и посадили Свету, она обхватила мальчиков за шею, и они понесли подружку в деревню.

Света вспомнила молитву, которой её учила бабушка и зашептала слова: – Никола Угодничек, скорый помощник и заступник, помоги мне. Усмири боль в ноге, – слёзы текли по щекам девочки.

Света повторяла и повторяла эту простую молитву, и боль утихла.

Ребята принесли девочку в деревню, прямо во двор. Дома родители её уложили в кровать, дали выпить святой крещенской воды, перевязали ногу. Бабушка пошептала молитву над внучкой.

– Не бойсь, внучка, всё будет хорошо. Святой Никола поможет, – уверенно сказала бабушка.

Света легла и сразу же уснула. Жулька устроилась на полу у кровати хозяйки.

Ночью девочка проснулась, нога болела, она её развязала и стала тихонько всхлипывать. Верная собачка прыгнула к ней на кровать и начала вылизывать слёзы. Потом собака начала вылизывать ногу своим шершавым языком и девочке стало щекотно и легче. Света снова вспомнила молитву и стала шептать:

– Никола Угодничек, скорый помощник, вдов и сирот заступник, помоги, пожалуйста, вылечи мне ножку.

Жулька тем временем изловчилась и зубами вытащила стекло из раны девочки. Света вскрикнула, а затем успокоилась и легла спать. Собачка примостилась рядом и грела своим телом хозяйку.

Утром девочка проснулась бодрая, кровь не шла, нога не болела.

Девочка гладила по шерсти свою любимицу и благодарила:

– Жуленька, подруженька, спасибо тебе. Спасла мне ножку.

Жуля виляла хвостиком, радостно повизгивала и норовила полизать Светино лицо.

– Бабушка, бабушка! – закричала девочка. – Никола Угодничек мне помог, ножку вылечил.

Через два дня Света уже гуляла с детьми по деревне.

В ДЕРЕВНЕ

На берегу прекрасного и большого озера Сямозеро расположена карельская маленькая деревня. В этой деревне, прямо на берегу озера, стоит большой и добротный дом. В том доме живут старик со стару-

хой, два кота и собака. Каждый день старик и старуха выходят на озеро на своей лодке-кижанке. Они рыбаки. Родились в этой деревне и всю жизнь здесь живут.

Работали в молодости в местном совхозе. Иван был механизатором, а Катерина – телятницей. Вырастили и выучили своих четверых детей, да и отправили их жить в город.

Старость им приходится доживать вдвоём.

Ранним утром баба Катя растапливает печь и печет карельские калитки с картошкой, заваривает чай и приглашает к столу своего Ивана. Широкий и большой стол накрыт свежестиральной скатертью. Она ставит в вазочках кусковой сахар, варенье, подушечки с повидлом (Дунькина радость). В большом блюде, на середине стола красуются румяные калитки. Рядом стоят блюда со сметаной и банка с молоком. В большой бокал мужа она наливает крепкий чай.

– Ива-а-ан! Иди за стол. Всё готово! – зовёт Катерина.

– Ах, ты, моя стряпуха! Как же вкусно пахнет! Иван улыбается своей Кате.

Супруги садятся за стол. Дед Иван прихлебывает горячий чай, намазывая на калитку сметану, и с аппетитом жуёт. Усы его в сметане. Глаза блестят от удовольствия.

– Вку-у-усно, угодила старику. Спаси-и-ибо, жо-о-онка. (Любимое слово деда Ивана – «жонка», именно так он всегда ласково называл свою жену).

Баба Катя улыбается – ей приятна похвала мужа.

– Бабуля, пора на рыбалку. Сети надо проверять, – сказал Иван.

– Да я готова, поплыли, – она накидывает на плечи плащ, повязывает платок, надевает резиновые сапоги.

Они выходят из дома и идут к берегу, где прицеплена лодка. Следом за ними увязывается пёс Туман. Он любит вместе с хозяевами плавать в лодке по озеру. Дед Иван работает вёслами умело: лодка плывет ровно, он сильно упирается ногами в дно лодки. Пёс тихо сидит на носу лодки, широко раскинув лапы, и внимательно следит за курсом лодки. Он привык к этой зыбко качающейся лодке. Катерина любит озером.

Озеро было спокойным, волны пробегали мелкой рябью от лодки. Яркий диск солнца висел над озером, небо было голубое-голубое, чайки летали над водой, иногда они касались крыльями воды. Ветер стих, листья на деревьях как будто замерли. Кругом тишина, и только птицы на берегу пели свои серенады.

Наконец они приплыли к месту, где были поставлены сети. Баба Катя села за вёсла, а Иван стал вытаскивать сети из воды.

– Жонка, держи лодку на месте.

Иван с силой тянет сеть, в ней трепыхается большая рыбина. На солнце спина рыбины блестит и переливается. Это судак. Дальше в сети была щучка и колючие окуни.

– Бабуля, хватит нам такого улова? – спросил Иван у жены.

– Хва-а-атит. Нажарим и уху сварим, – отвечает Катерина.

Сети дед бросил на дно лодки. Сел сам за вёсла и погрёб в сторону дома.

Когда приплыли на берег, первым выпрыгнул из лодки Туман. Затем спрыгнул в воду Иван и подтащил нос лодки далеко на берег. Баба Катя вылезла из лодки на песочный берег. Иван вытащил сети, развесил на вешала и стал снимать рыбу. Хозяйка с собакой ушли в дом.

Через некоторое время дед Иван принёс рыбу.

– Чисти рыбу, хозяйюшка.

– Хорошо, – кивнула жена.

Сам же пошёл полоскать и сушить сети.

К обеду бабуля сварила уху и нажарила судака, отварила домашней картошки в чугунке.

За обедом дед нахваливал уху да жареного судака. А потом начал разговор.

– Эх, мать, у нас жить можно. Лес и озеро кормят, а вот детям в городе тяжело. Проезд до работы, да детям в школу и сад, а потом на кружки разные съездить – дорого! Эх-х-х, да и продукты городские не на пользу. Надо побольше рыбы наловить, засолить да заморозить для них. Эх, хоть бы картошка уродилась. Погодка-то не балует в этом году. А скоро грибы пойдут, некогда будет лениться, надо сушить и солить. Варенья надо для внучат наварить из лесных и садовых ягод.

– Да-а-а, дед, мы сыты в своей деревне, а детям надо помочь. Деньжат к зиме скопим да на расходы школьные внукам отдадим, – отвечает Катерина.

– Душа болит. С работой в городе плохо, зарплаты маленькие, а цены... растут и растут. Да и пенсии наши не очень-то велики, – Иван горестно вздохнул.

– Коммуналка-то опять повысится, по телевизору говорили, – сообщила она мужу.

– Едрён-батон... и куда катимся? Оби-и-идно, – отвечал дед.

– Может, скотинку надо нам взять? Может, хоть телёночка вырастить на мясо? – спросила Катерина.

– Бабуля, хлев-то старый уже, холодный. Спина у тебя больная, да и ноги уже не те... А сено-то где будем брать? Ведь сенокосы все кустами заросли

да борщевиком... Комбикорма тоже дорогие... Надо подумать, – ответил дед Иван, горько и протяжно вздохнул и поднялся из-за стола.

– Спасибо, жонка. Вкусный был обед.

– Будь здоров, старый, – отвечала бабуля.

– Собери посуду, да пойдём на огород. Пора уж картоху окучить, а ты грядками займёшься, – сказал дед Иван.

Бабуля быстро убрала со стола, сложила посуду в тазик, завязала платок, сунула ноги в калоши, и пошли они вместе на огород.

Так они и живут. Работают в огороде, собирают грибы да ягоды, ловят рыбу. Сами сыты и детям помогают.

АЛЬБИНА И ДЕТИ

Весна 2000 года была переломным периодом в жизни Альбины и её семьи. Жили они в северном посёлке. Люди здесь все знали друг друга. Альбина получила развод с опостылевшим мужем-выпивохой и переехала жить в двушку своих умерших родителей. С ней были двое детей: трёхлетняя Катюшка, веселуха и хохотушка, и шестилетний Артём, не по годам умный и рассудительный. Альбина трудилась на двух работах, чтобы содержать себя и детей. Женщина не получала алиментов на детей, так как бывший нигде не работал и долг по исполнительному рос в геометрической прогрессии. Сослуживцы Альбины помогали и поддерживали её с детьми. Кто своего молока принесёт для деток, кто ведро картошки спонсирует, а кто-то отдаст нехитрые вещички для детей. Молодая женщина всё принимала с благодарностью. Была у женщины закадычная подруга Светлана. Вместе они уже не первый год общались и работали. Осенью вместе ходили в лес по грибы и ягоды. В те времена люди жили лесными дарами. Сдавали на приёмный пункт ягоды и покупали продукты в запас на длинную зиму. Не заметила молодая женщина, как пристрастилась к спиртному сама. Идут с подругой в лес, для смелости выпьют по рюмочке, так веселей шагать, ещё и песню запоют. Соберут каждая по 2-3 ведра ягод брусники и шагают в сторону дома, несут в шарабане за плечами нелёгкий груз. Рядом всегда был верный пёс Пират. Дома ждут дети, но подруги сдают ягоды и снова выпьют с усталости, потом натопят баню и продолжат веселье.

– Светка, ты моя лучшая подружка, – говорила Альбина.

– Альбинка, а ты моя лучшая. Вместе нам веселей жить.

И затянут протяжно вдвоём песню:

– Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю...

Тёмным сентябрьским вечером Альбина возвращалась домой вместе с сыном. Шагала прямо по лужам, не разбирала дороги, её кидало из стороны в сторону. Сын крепко держал маму за руку, тихонько плакал и писклявым голоском сетовал:

– Ма-а-ама, прекрати пить водку. Мне страшно. Папка пьёт, и ты стала пить. А как же мы с Катей? Что нам делать? Мне в школу надо, а Катя спит одна в квартире. Ей страшно одной.

– Не приставай ко мне, сын. Я работаю, устаю. Ещё эти ягоды... Совсем сил нет, надо отдохнуть, расслабиться. Я для вас стараюсь, а папка не помогает. Он алкаш, а мне завтра с утра на работу.

Но в голове промелькнула мысль, а ведь сын в чём-то прав. Не зря говорят: «Уста ребёнка глаголят истину».

Голова кружилась у Альбины, в желудке всё стало комом, во рту этот противный привкус водки, очень хотелось пить. Они добрались до квартиры, Альбина сразу рухнула на кровать и заснула мертвецким сном. Сын убрал вещи мамы, развесил всё для просушки. Примостился рядом на кровати. Катюшка спала в своей кроватке. Артём полежал, слёзы капились из его глаз, он не знал, что ему делать. Ему было жалко маму, и он скучал и вспоминал отца. Наконец сон сморил его. Утром рано зазвонил будильник. Женщина нажала на кнопку, вставать не хотелось. Усталость и разбитость во всём теле, тошнота подкатывала к горлу. Женщина быстро вскочила и побежала к унитазу, её полоскало так, что проснулись дети.

– Мам, вот тебе водичка, – сын протягивал ей стакан воды.

Альбина с благодарностью посмотрела на сына.

Она выпила воды, умылась. В голове шумело, давило, мысли путались. Растопила печку и начала варить нехитрый деревенский обед.

– Артём, собирайтесь в сад и школу.

Дети послушно стали одеваться. Брат помог натягивать колготки Кате. Альбина заплетала косички дочке, а она канючила:

– А-а-а, ма-а-ама-а-а, бойно...

Альбина поцеловала дочку, а девочка вытерла щеку после её поцелуя.

– Ребята, садитесь пить чай. С батоном и вареньем. Масла сегодня нет. Вечером схожу за ягодами и сдам их на масло.

Дети съели по куску батона с вареньем, выпили по чашке чая.

– Сын, отведи Катю в сад, быстро идите, не опаздывай в школу.

– Хорошо, мам. Я всё сделаю.

Дети пошли на улицу, Альбина посмотрела им в след из окна. Они оглянулись и помахали своими ладошками. Стало приятно и тепло на душе.

Мысли были невесёлые, зарплаты задерживали, скоро кончатся ягоды и как они проживут зиму, она не знала.

Женщина начесала волосы, накрасила губы и глаза и пошла на работу.

День предстоял трудный. В посёлке закрыли стационар больницы и открыли дом сестринского ухода. В этом доме сестринского ухода находилось 25 бабулек, шестеро из них лежачие. Значит, надо много ухода за ними.

Альбина очень уставала на работе, она просто выматывала её морально и физически. Бабули были характерные, требовали много. Ведь у них высчитывали 70 процентов из пенсии за уход. Приходилось мыть их, кормить с ложечки, переодевать, перестилать по первому их зову. В 17 часов она закончила работу и быстро пошла домой, а потом снова в ближайший лес, с одной мыслью набрать хоть ведро ягод, чтоб купить детям масла, молока и хлеба. Альбина переделась, взяла ведро, грабилку и пошла на окраину посёлка в ближайший лес. Там по ягодке до самой темноты она собрала ведро брусники.

Дети были дома. Артём делал уроки, а Катя смотрела мультики. Они привыкли быть вдвоём дома.

Женщина сдала ведро ягод на приёмном пункте, там же купила масло, сахарный песок, банку тушёнки. В магазине купила хлеба и батон, остановилась перед прилавком со спиртным. Задумалась на минутку, вспомнила слова сына, его трясущиеся плечики, когда он плакал. Вспомнила глазёнки своей дочки и её жест, когда она вытерла щеку после поцелуя. Альбина резко развернулась и вышла из магазина. Она твёрдо решила, что пить больше не будет, что им и так очень тяжело будет прожить зиму.

С улыбкой она пришла домой. Артём принёс дров и воды, в 6 лет он был мужчиной, он помогал матери во всём. Она нежно погладила их по головам, и стала варить ужин – картошку с тушёнкой.

Зазвонил телефон, это Света заплетающим голосом просила прийти Альбину в гости. Альбина твёрдо ответила:

– Нет, подружка. Прости. Мне надо детей уложить спать и завтра снова на работу, ещё стирка и полы не мыты.

Света была удивлена отказом. Ведь они подружки.

Женщина накормила детей, уложила спать, перемыла посуду, замочила бельё, помыла полы. Присела у изголовья сына и подумала: а ведь она счастливая, у неё есть такие замечательные дети и есть для кого жить и к чему стремиться. И пусть зима будет длинная и суровая, как всегда на Се-

вере, – они выстоят! Выкопали немного своей картошки, сделали запасы тушёнки, масла растительного, собрали чаги да засушили мяты со зверобоем для чая. Запасли грибов, сварили варенья...

Уставшая, но счастливая она легла спать с одной мыслью: надо жить и всё у них будет хорошо. Так слова и помощь сына вернули мир, любовь в их маленькую семью.

ИРИНА. РЫБАЛКА

Был жаркий июльский день. Солнце жарило нещадно. Оно, как раскалённый круг, висело над землёй. В лесу всё смолкло. Птицы перестали петь, животные и насекомые спрятались от изнуряющей жары. Только стрекозы летали над водой, они шелестели перламутровыми крылышками. Крылья переливались различными блёстками на солнце. Ира сидела в лодке-кижанке. Лодка чуть-чуть покачивалась на волнах. Девушка была заядлой рыбачкой. В руках удочка, рядом банка с червями, а на дне лодки лежали несколько приличных размеров окуней.

От воды шла прохлада, её ноги были опущены в воду через край лодки. Отпуск! Какое прекрасное состояние свободы. Как здорово отдыхать на озере, а не сидеть за надоевшим компом в жарком офисе. Ира улыбалась. Она внимательно следила за поплавком, но он упорно не желал уходить под воду.

Ира сказала сама себе:

– Похоже, и рыба залегла глубоко на дно от жары. Придётся ждать вечерней зорьки и поклёвки.

Она смотала леску, сложила свою телескопическую удочку, взяла вёсла и погребла к берегу. На берегу она расстелила покрывало и легла загорать. Её взгляд упирался в синее бездонное небо, а по нему изредка проплывали кучерявые облака. Было интересно наблюдать за различными фигурками облаков. В наушниках у девушки звучала любимая музыка Клайдермана «Грёзы любви». Ира не заметила, как задремала и ей приснился сон. Как будто плывёт лодка, а в ней сидят её друзья, они весело и громко обсуждают что-то. Вода на солнце играет различными радужными красками. Кричат чайки, они летают над озером и задевают воду своими крыльями. Ветер гонит волну, волны бьются о берег. Яркое солнце краснеет, раскаляется... Тут Ира проснулась... Её спина «горела», капли пота текли по щекам. Девушка быстро поднялась и пошла охладиться в воду. Ира поплыла далеко в озеро. Она плыла, потом отдыхала на спине и снова плыла к ближай-

шему острову. Её желание было мгновенное, спонтанное. На острове был сосновый бор и там росли грибы. Девушка доплыла, вышла на шуршащий мелкий песок. Она ощутила, что песок раскалённый. Иринка медленно пошла по лесу, он весь прозрачно-светлый, сосны высокие и могучие, стояли как великаны. Отпускница была в отличном настроении, она тихо напевала детскую песенку:

– В траве сидел кузнечик,
В траве сидел кузнечик,
Совсем как огуречик
Зелёный он был.

Представьте себе,
Представьте себе,
Совсем как огуречик,
Представьте себе,
Представьте себе,
Зелёный он был.

В сосновом бору было не жарко, сосны закрывали своими кронами всё небо. Иринка побродила по тропинкам, но, к сожалению, грибов не нашла. Она вдыхала воздух, пропитанный смолой, и радовалась красоте природы, наслаждалась тишиной и покоем.

Ира пришла на берег и заметила, что по озеру медленно плывёт лодка к острову. Лодка причалила. Из неё вышел красивый молодой человек. Он улыбался во весь рот и сказал:

– Приве-е-ет. Ты здесь одна? Как здесь оказалась? Как тебя зовут? Меня зовут Игорь.

Ира назвала своё имя. Она улыбалась ему в ответ:

– Я приплыла вплавь. И решила сходить по грибы, но не нашла ни одного. У меня отпуск, и я так отдыхаю.

– Грибы собираешь в купальнике?

Парень был удивлён, он широко улыбался. Ира смутилась, зарделась.

– Я люблю лес, озеро, рыбалку и одиночество.

– Садись в лодку, я отвезу тебя с острова к берегу.

Иринка покорно прыгнула в лодку и замолчала. Игорь сел за вёсла, сильными движениями начал грести, лодка поплыла, волны расходились по глади озера, брызги воды освежали лицо. Было приятно. В молчании приплыли к берегу. Девушка выпрыгнула с лодки, как молодая лань. Она

была красива, гибка и очень понравилась Игорю. Он слегка покраснел и попросил:

– Ира, давай встретимся в городе. Сейчас мне некогда, меня ждут друзья на турбазе. Дай свой номер, я позвоню тебе.

Иринку это обрадовало, ей тоже понравился симпатичный и улыбчивый Игорь. Она продиктовала свой номер. Он быстро забил номер в телефон, махнул рукой и отчалил от берега.

Ира замурлыкала песенку, настроение было прекрасным. Она оделась, загрузила свои вещи в лодку и поплыла в высокие камыши. Там должно уже клевать, солнышко стало опускаться к закату. Красота вечернего озера, блики на воде, крики чаек, щебетание пташек на берегу, звуки волн и ветра успокаивали. Девушка закинула удочку и начала ждать поклёвки. Минута другая-третья, и вот уже поплавок то уходит под воду, то снова появляется над волной. Круги расходятся по воде, рыба сильная и тянет удочку на глубину. Ира подсекает и вытаскивает красивого, но такого колючего окуня. Посидев на вечерней зорьке, она наловила целое ведро окуней и плотвиц.

– Пожалуй, хватит, – сказала девушка.

Ира сложила удочку, села на вёсла и поплыла к берегу. Она была счастлива этим днём. Впереди была дорога в город, а это 20 км по проселочной и 10 км по асфальту. Девушка хорошо водила машину и до города добралась быстро. А поздним вечером ей позвонил Игорь. Девушка радостно смеялась, отзываясь на его шутки. Он назначил ей свидание на завтра. Но это уже другая история.

МАЙСКОЕ УТРО

Раннее майское утро в деревне. Выхожу во двор и слушаю трели птиц. На разные голоса выводят они свои куплеты. Эти звуки можно слушать и слушать.

Глубоко вдыхаю воздух, наслаждаюсь ароматом цветущих деревьев и цветов.

Солнышко проснулось и посылает свои лучи на землю, оно ещё не всё показалось из-за леса, а лишь наполовину.

Ветер-озорник играет с листьями деревьев, они шелестят, как будто переговариваются. Трава мокрая от росы, она холодит ноги. Роса переливается на солнце всеми цветами радуги.

Тюльпаны спят, их коробочки ещё закрыты, одуванчики тоже. Черё-

муха тянет свои цветочки, мол, потрогай меня! Наклоняюсь и вдыхаю дурманящий запах. Потом подхожу к ирге, трогаю её мягкие, нежные листики, люблюсь белыми кистями цветов. Затем к сливе, она, как невеста, стоит в белоснежном убранстве. От верхушки и до самого низа – вся в пенно-белом одеянии. Цветы нежно-воздушные, аромат очень приятный. Дальше – акация, её неброские жёлтые цветы и нежно-зелёные, ажурные и мягкие на ощупь листья, очень приятны к коже руки. Я поглаживаю их. Потом вдоль забора растёт тёрн. Он тоже в пышной шапке белых цветов. Подальше растёт невысокая вишенка, на ней не очень много цветов, она – малышка.

Дотрагиваюсь до веток чёрной смородины и пьянею от приятного запаха. Срываю несколько листочков на чай.

Сирень белая и фиолетовая не торопятся выпустить свои цветочки, стоят в зелёном наряде. Яблоня ждёт тёплых ночей, бутоны набухли, вот-вот лопнут. На грядках стоят, как часовые, нарциссы, они поворачивают свои головки следом за солнцем. Веселят глаз – примула и яркие анютины глазки. Листья клубники насыщенно-зелёные, крупные. На клубнике тоже бутоны. Совсем скоро появятся нежные белые цветы.

Прекрасный тёплый май радуется и пьянит звуками, красками и ароматами.

АЛЛА

Апрель. Наконец-то пришла долгожданная, тёплая и настоящая весна. Надоевший грязный снег растаял, кругом были лужи, а по обочинам пробивалась зелёная трава и первые цветы мать-и-мачехи. Вокруг слышен весёлый гомон воробьёв. Природа ожила. На душе светло. Хочется петь, танцевать и улыбаться всем прохожим. Алевтина шла на работу и размышляла о своей жизни. Много ей выпало испытаний в жизни, но не сломалась, не пропала в жизни под грузом забот: рано умер муж, – (в 37 лет осталась вдовой), – ушли в мир иной родители, одной пришлось растить и воспитывать сына. Работы она никакой не гнушалась, бралась за всё: стирала бельё в больнице, сторожила, работала санитаркой. Труд был тяжёлый и неблагодарный. Зимой приходилось колоть дрова, чистить снег, топить печки и носить воду... Летом вместе с сыном собирали ягоды и грибы, ходили на реку, на рыбалку. На огороде выращивали картошку, морковь, разную зелень. Зарплата была маленькая, да и всегда задерживали её, пенсия по потере кормильца – минимальная. Продукты в магазинах

были по талонам... Выживали... Выкручивалась, как могла: научилась вязать спицами и крючком, а потом продавала свои нехитрые изделия: всё-таки подспорье в семейном бюджете. Сын закончил 9 классов и поехал учиться в ПТУ. Получил специальность водителя и слесаря. Пока учился, радовал своими успехами в учёбе и спорте. Не раз приходили благодарности из училища. Она радовалась и гордилась сыном. Пришло время идти в армию. Мать напутствовала у поезда: «Сынок, служи честно, не подведи». Служил сын достойно, хорошо. От командования части пришли две благодарности и грамота. Алла читала и плакала... В это время закрыли больницу, прошла оптимизация. Алла осталась без работы. Не раз слёзы наворачивались от обиды, одиночества, ощущения ненужности, но нашла в себе силы и поехала в ближайший город на курсы охранников. ...Успешно их закончила и получила удостоверение новой своей профессии. Затем она сняла комнату в городе, устроилась на работу охранником в офис и начала новую страницу в жизни... Пока жила в посёлке, была всегда в гуще всех событий, было много друзей и подруг. Они любили, жалели, всегда помогали ей, она искренне дружила и тоже всегда приходила на помощь. Участвовала во всех мероприятиях больницы, на юбилеи вела праздничные программы, сочиняла частушки, пекла пироги. Жила полной жизнью, любила общение с людьми. В городе жизнь другая, она замкнулась, потерялась, осталась в одиночестве. На работе в офисе трудятся одни молодые люди 25-35 лет. У них своё общение, особые разговоры... Тоскливо, одиноко, а так хочется простого женского счастья. Сын пришёл из армии, устроился в соседний город на работу водителем. Теперь у него своя взрослая жизнь, свои друзья и своё общение... Так дошла Алла до своего офиса. Грусть-грустью, а на работу надо приходиться в хорошем настроении... Новые коллеги её уважали и ценили. А после смены, утром, пойдёт она в свою съёмную комнатку и будет коротать выходные. Будет смотреть телевизор, вязать салфеточки, варежки и носочки... Будет думать о сыне, о своей женской доле. Будет мечтать, вдруг ещё блеснёт лучик солнца в её жизни...

АННА И АНДРЕЙ

Внашей деревне жила большая семья Филимоновых. Семья, как семья. Но в ней было пятеро детей и все девочки. Мама Вера работала в садике няней, отец Борис был шофёром в совхозе. Старшая Анна помогала маме во всех домашних делах. Она училась в четвёртом классе. Училась на 4 и 5.

После школы бежала домой и начинала хозяйничать: курам насыпала зёрна, кроликам и корове давала сена, наливала молока коту Барсику, угощала кашей любимого пса Бурана. Потом маленькая хозяйюшка делала уроки, мыла посуду, затапливала печь. В большой кастрюле вскоре закипала картошка, весело пыхтел чайник. Девочка поджидала маму. Мама приходила с работы и приводила младших сестрёнок. Отец приезжал поздно. Мама Вера варила ужин, кормила и доила корову, стирала бельё и кормила деток. Отец Борис чистил хлев, приносил дров и воды, поужинав, проверял уроки у старшенькой и, проверив, ложился у телевизора. Тут же крутились возле отца младшие. И на их «почему» находились добрые и шуточные ответы. Затем Анна разбирала кровати, укладывала сестричек спать, читала им сказки. Они очень внимательно слушали.

– Аня, ну почитай ещё одну. Мы завтра встанем быстро, хныкать не будем, – канючили девочки.

Кате было пять лет, Маше и Гале по три года, они – двойняшки. А младшей Оле – всего два годика. Аня читала про Красную Шапочку, потом про Конька-Горбунка, про Белоснежку... Наконец, девчонки начинали посапывать и засыпали. Аня закрывала глаза и моментально проваливалась в глубокий сон.

Утром отец уходил рано, дочки ещё спали. Вера справляла скотину, протапливала печку, готовила кашу для дочек, а потом их будила.

– До-о-оченьки, красоточки, просыпайтесь. Каша готова, молоко на столе. Пора в сад и в школу.

Анечка вставала первая и начинала помогать одеваться малышам. Они, как и обещали, не хныкали, молча одевались. Затем быстро завтракали и все вместе выходили на улицу и гурьбой шли в конец деревни, где были школа и сад. По дороге мама учила дочек и просила вести себя хорошо. Девочки были умные и послушные.

Детство пролетело, как один миг. Пришло время Анне поступать учиться. Она выбрала пединститут. Учиться было интересно, Анна всё схватывала налету. В институте она повстречала Андрея. Они влюбились и решили создать семью. Вместе окончили институт и уехали по распределению учительствовать в деревню. Сбылась мечта Анны. У неё была любимая и интересная работа. С ней рядом был любимый человек. В положенный срок Анна родила дочку, а через два года и сыночка. Они были счастливы своей семьёй, дети росли умными и послушными, между Анной и Андреем была любовь, уважение, взаимопонимание. Но случилось непредвиденное, у Анны обнаружили тяжёлое заболевание лёгких. Аня попала в больницу на долгое лечение. В это время она познакомилась с

Валей, которая работала в иконной лавке местной церкви. Так Анна пришла в церковь. Она уверовала. Андрей помогал своей любимой победить болезнь. Покупал лекарства, варил бульоны, приносил свежие фрукты, ягоды и овощи. Он самостоятельно справлялся с домашними делами, дети были ухоженные, накормленные. Родители с сёстрами были далеко от них. Но посылали деньги на лечение дочери. Мама Вера писала письма: «Доченька, прости, что не можем навестить тебя. Домашнее хозяйство, огороды не отпускают. Посылаем тебе немного денежек на лекарства и питание. Анечка, желаем, чтобы ты скорей поправилась. Посылаем большой привет зятю Андрею и внукам. Обещаем отправить в гости Катю, пусть поможет зятю с детьми. Целуем всех крепко-крепко». Аня начала потихоньку поправляться. Когда вернулась домой, она стала посещать церковь, стала исповедоваться и причащаться, начала строго соблюдать посты. Её жизнь наполнилась новыми ощущениями. Она стала мягкой, доброй, очень открытой, жалостливой. Муж Андрей поддержал её, он сам принял крещение. Так вера в Бога, любовь и забота близких смогли победить болезнь Анны. Это испытание сплотило их с Андреем ещё крепче. Они поняли, что жизнь – это хрустальный сосуд, что надо бережно относиться друг к другу.

КАТЕРИНА

Катя сидела за столиком в кафе. Играла приятная музыка, пахло разными вкусами. В окно была видна улица. Мимо проезжали машины, автобусы и троллейбусы. На остановке стояли люди, они кутались в шарфы, поднимали воротники, прятались под зонтиками. Дул холодный ветер с Онего, накрапывал мелкий дождь, тучи накрыли город.

Кафе «Яблочное» было любимым местом отдыха. Катя заказала себе молочный коктейль, мороженое с шоколадом и чашечку кофе. Официанты были все знакомые, они приветливо улыбались.

Настроение было не весеннее. Проблемы на работе и дома накатились, как снежный ком. На любимой работе, в школе, не платили зарплату. В семье было ещё хуже. Муж всё чаще стал прикладываться к бутылке. Это раздражало и обижало Катю. Они были женаты шесть лет, женились по любви, детей пока не было. Катя, как могла, старалась отвлечь своего Антона от пагубной привычки. В каждый выходной она уговаривала своего любимого уехать за город. Садились в рейсовый автобус и ехали в ближайший посёлок. Потом пешком шли к речке, за плечами рюкзаки с нехитрой едой, книги для чтения, удочки и червяки для рыбалки.

Катерина любила своего мужа, много прощала ему. Но становилось всё тяжелей. Катя стала замечать, что Антон обманывает её. Вчера вечером сказал, что задерживается на работе, а пришёл поздно ночью. Ввалился в дом с запахом алкоголя и дыма от сигарет, был пьян и сразу завалился спать. Утром проснулся в плохом настроении, весь помятый, небритый, с перегаром изо рта. Катя решила поговорить:

– Антон, так нельзя. Это твоё поведение очень плохо закончится.

Антон перебил её и отвечал с раздражением:

– Не приставай, голова болит. Что такого, если вчера выпили после работы?.. Хлопнул дверью и ушёл.

Катя отработала целый день с детьми, очень устала, на душе была тревога. Её очень тревожило, каким муж придёт сегодня. Антон был раньше очень ласковым, добрым, предупредительным. Он дарил жене цветы, покупал сладости, приносил весёлые мягкие игрушки, красивые безделушки. В последние полтора года всё изменилось. Он стал раздражительным, вспыльчивым. Иногда казалось, что ещё чуть-чуть и он ударит Катю. Они перестали ходить в гости, и друзья не заглядывали к ним. Стало тягостно и пусто у них дома. От этих мыслей у Кати заболела голова, подкатил ком к горлу. Как всё изменить, она не знала. Поднялась, попрощалась с официантами и пошла домой. Она твёрдо решила, что завтра пойдёт к врачу и начнёт обследования. Им нужно родить ребёнка и сохранить семью. У мужа появятся новые заботы и это спасёт его от увлечения алкоголем.

Каждый сам решает, как ему поступить в той или иной ситуации.

МАРИЯ

Солнце выглянуло из-за туч, ласково пригрело. С крыш свисали хрустальные сосульки, с них капали прозрачные капельки. Снег стал рыхлым, грязным, крутом лужи. На ветках деревьев весело прыгали воробьи. Синички весело тенькали: «Тень-тень-тень!» Весна чувствовалась во всём: набухшие почки на сирени, серёжки у берёзок, большие проталинки и первая зелёная трава.

Маша шла по дороге и любовалась изменениями в природе. Она возвращалась со смены в больнице, ночь была беспокойная, трудная. Работа очень ответственная, но это – дело всей её жизни. Дети выросли, выучились, создали свои семьи, улетели из родительского дома. Муж умер. Работы в посёлке не стало, прошла оптимизация в здравоохранении, закрыли поселковую больницу. Ей пришлось уехать в ближайший город, снять

комнатку и работать в городской больнице. Зарплата невысокая, поэтому Марии приходилось брать лишние смены. Вечерами Маша сидела у телевизора, вязала для внуков носки и рукавички, вывязывала крючком красивые кружевные салфеточки. Кому-то подарит, а иногда и продаст свои изделия.

В свободное время доставала швейную машинку и шила красивые детские платьица из старых, уже отслуживших и немодных своих вещей. В отпуск Маша всегда уезжала в родной посёлок, там у неё был огородик, где она выращивала картошку и разную огородную зелень, там был лес и его богатства – грибы и ягоды. Маша была трудолюбивой, не давала себе слабинки, не скучала, занимала всегда себя работой. Порой хотелось снова испытать женское счастье. Но не встречался на её пути надёжный человек. Приглядываясь к окружающим мужчинам, Мария с грустью видела слабость, леность, инфантильность и плюс почти поголовное увлечение алкоголем «сильного пола».

Маша была сильной женщиной и все тяготы переносила в одиночку. А в душе не переставала надеяться на счастливую встречу... Впереди была пенсия, и она верила, что в доме у неё будет тепло, уютно и не одиноко.

ТАМАРА

Тамара сидела у окна и перебирала старые фотографии и письма. Перед глазами пробегало беззаботное деревенское детство.

Зима. Вечер. Мама прилегла на кровать и читает книгу своим детям. Две дочки и сын внимательно слушают. Мама читает, а у детей закрываются глазки. Старшая дочь берёт голову мамы и укладывает на подушку со словами:

– Muamo, magua, magua... Нуvi; y;dy. Kaikin v;zyttih da muatah³...

Мама удивилась. Отложила книгу и выключила свет.

Вот в руках фото бабушки Марфы и волной нахлынули воспоминания...

Тамара провела лето у бабушки-карелки в деревне и выучила несколько слов. Бабушка была старая, добрая. Она пекла карельские калитки с картошкой, ватрушки с брусникой, делала вкусную бруснику с толокном. В чай добавляла листики малины, смородины или мяты, поэтому чай всегда был вкусный и ароматный. На полке стояла вазочка с кусковым сахаром,

---

³ Перевод с карельского: «Мама, спи, спи. Доброй ночи. Все устали и спят».

а рядом лежали маленькие щипчики для того, чтобы колоть сахар на небольшие кусочки. Бабушка брала такой кусочек за щёку и пила чай с блюдечка. Ещё бабушка умела ткать половики на большом станке, на весь дом слышно было, как стучит бабуля, когда прибивает плотно уток. Половички были лёгкие и неширокие. Очень весёлые и яркие полоски на половике радовали детей. Ребятишки любили помогать бабушке: она резала тряпки на полоски, а помощники сматывали их в клубочки и складывали в большую бельевую корзинку.

Бабуля умела вязать носки, – (особые, без пятки, они вязались вкруговую), – и рукавички. Она сама шила себе наряды – широкие и длинные юбки, фартуки, летние кофточки. Ткани всегда брала не яркие, спокойной расцветки. А ещё носила она чёрную плюшевую жакетку.

Бабуля любила цветы: их много росло у неё под окном в огороде и в доме на подоконнике.

Она брала внучат в лес, там собирали чернику, а позже, осенью, и бруснику. Баба Марфа учила братья ягоды осторожно, не рвать и не ломать веточки, мусор сразу убирать, не брать зелёные неспелые ягоды. Учила в лесу различать съедобные грибы и несъедобные.

В доме у бабули жила кошка Мурка. Она была ласковая, спала вместе с бабулей на кровати, любила молоко и рыбу отварную. Во дворе, в загончике из досок, жили куры с петухом. С утра петух громко-громко кукарекал и всех будил, а ещё хлопал крыльями.

Вот фотография брата – он с хворостиной в руках, а впереди бежит козлёнок.

В родительском доме всегда были козы и маленькие смешные козлята.

А на этой фотографии весёлые сёстры, они задорно смеются. Лыжницы: на валенки нацеплены смешные лыжи – широкие и длинные.

Вот на другом фото одноклассники. Они все в школьной форме. Девочки в платьях и фартуках, мальчики в синих костюмах.

И так – страница за страницей, фотография за фотографией... Вспомнилось ей в этот зимний вечер далёкое и такое доброе детство.

Детское творчество

КРИСТИНА ПАВЛЕНКО

17 лет, МКУ ДО «Районный детский экологический центр»

г. Светлоград Ставропольского края

Руководитель: Оксана Викторовна ПАВЛЕНКО

Рассказ

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

«Я дома...» – первое, что приходит мне в голову, когда я переступаю порог нашей новой квартиры. Мы живём здесь уже пару месяцев. Папа, мама и я... Мне так не хотелось переезжать сюда. В Питере осталась Олеся и её остроносый пёс Джек, Вадим, Наташа, да и многие другие. Когда мы приехали в этот маленький городишко, мне казалось, что это конец.

– Ну, чем я буду там заниматься?! – спрашивала я родителей с тех пор, как узнала о том, что мы переезжаем.

Папа спокойно сказал, что я обязательно найду себе новых друзей и куда-нибудь «вляпаюсь», впрочем, как и всегда. Мама поддерживала меня, да и сейчас она часто интересуется, как я чувствую себя и освоилась ли на новом месте. Я привыкла к переездам... Уже четырнадцать лет мы колесим по стране: Уфа, Москва, Нижний Новгород, Архангельск, Ярославль, Кострома, Новороссийск, Питер – вот теперь этот город N. Я думаю, благодаря этим переездам наша семья стала такой дружной.

Мой папа – военный, мама – учительница русского и литературы. Меня зовут Маша, и этой осенью мне исполнилось семнадцать лет. У меня зелёные глаза и светлые, пепельного цвета, волосы. Мама говорит, что я очень похожа на папу в молодости. Миллион раз по моей просьбе они рассказывали мне историю своей любви. Куда бы ни занесла нас судьба, мама и папа всегда вместе, а я под их надёжной защитой.

Пришла мама, как всегда, спросила, поела ли я, чем занималась, смогла ли купить в торговом центре то, что хотела. Я действительно приобрела почти всё. В преддверии Нового года мне хотелось порадовать подарками всех: бабушек, дедушек и, конечно же, маму и папу. Я уже присмотрела маме замечательные тапочки, а папе – галстук. От размышлений меня отвлек телефонный звонок. Трубку взяла мама:

– Да... Как? А что случилось? Конечно, я скоро буду...

Мама вошла в комнату, и по выражению её лица я сразу поняла, что звонил папа.

– Маша, папу отправляют в срочную командировку. Новый год нам придётся встречать самим, – сказала мама. – Достань, пожалуйста, папин чемодан и принеси «походный набор» из ванной.

Было видно, что мама расстроена, но старается этого не показывать. Я вдруг осознала, что каждый Новый год мы праздновали всей нашей дружной семьёй: папа, мама и я. За неделю до праздника я наряжала ёлку вместе с папой, а с мамой составляла праздничное меню. Так было всегда, но, видимо, не в этот раз. Пока я предавалась воспоминаниям, мама успела собрать чемодан и взять ключи от машины.

– Я скоро буду, не грусти, – сказала она и, поцеловав меня в макушку, вышла из квартиры.

Я достала коробку с праздничными украшениями. Вот снежинки, первую мы вырезали вместе с мамой, когда мне было пять. А вот эту гирлянду я мастерила вместе с папой. Так и наполнялась эта коробка, каждый год понемногу. Мы привыкли не покупать всякие безделушки на полки и что-то массивное вроде ковров и картин – всё это мешается, теряется и ломается при переездах, но эта коробка всегда с нами, она, наверное, самая большая из тех, что у нас есть.

В коридоре щёлкнул замок, это вернулась мама. Видно было, что она плакала, когда провожала папу. Она устала от его постоянных командировок и наших переездов, но никогда не жаловалась и не ругалась по этому

поводу с папой. Мама каждый раз встречает его с радостью, обнимает, а папа целует её в висок. Я спросила:

- Куда на этот раз?
- В Прагу...
- А вернётся когда?
- Третьего...

«Да, хорошо же у меня получилось отвлечь её от грустных мыслей,» – подумала я. Мама ушла готовить ужин, а я села звонить папе. Трубку он не брал, видимо, был в самолёте. Мы с мамой поужинали и отправились спать, но я долго не могла уснуть, всё время думала о том, как там папа, долетел ли, и есть ли вероятность, что он вернётся до наступления Нового года. Маме не спала, читала, она всегда садилась за книгу, когда нервничала. Мы хорошо знаем друг друга, изучили все привычки. Я была уверена, что папа ещё в пути, потому что он бы сразу позвонил маме и сказал, что с ним всё хорошо. В этот момент раздался звонок. Звонил папа, родители немного поговорили, пожелали друг другу спокойной ночи, и папа отключился. Мама тоже выключила свет и легла спать. Время без папы тянулось медленно. Мы скучали. Каждый вечер мы садились на кухне и обсуждали, как прошёл день, что нового произошло.

Тридцатого декабря мы составили праздничное меню и начали готовить любимые семейные блюда. Мама запекла красную рыбу с картошкой, как любит папа. Втайне и она, и я надеялись, что папа приедет и встретит с нами Новый год. Лишь вечером мы вспомнили о том, что не купили ёлку. Этим всегда занимался папа. Мама устала настолько, что уснула на диване в гостиной, прямо возле искусственного камина, рядом с которым мы собирались ставить главный символ Нового года – ёлку.

На следующий день я проснулась поздно. Мама уже ушла. На столе меня ждал завтрак и записка. К тому моменту, как она вернулась, я успела закончить уборку. Мама пришла весёлая, с блестящими от радости глазами.

- Угадай что?
- Что?
- Я купила билеты на самолёт! Через четыре часа мы вылетаем в Прагу! Собирай чемодан!
- Улёт! Мам, я сейчас. Я мигом.

Так быстро я ещё никогда не собиралась. Мы должны были вылететь в 22:45. В аэропорт мы приехали на час раньше. Каково же было наше разочарование, когда объявили, что рейс задерживается. Близился Новый год. А мы сидели в зале ожидания и ждали... Ждали чуда, волшебства, ждали этот почему-то задерживающийся самолёт. Мама звонила папе, он не отвечал.

Когда в очередной раз объявили о задержке рейса, я ушла пить кофе. Мне открывался замечательный вид. Сквозь стеклянные стены мне хорошо было видно зону прилёта: счастливых людей, спешащих к родным и близких, пары, приехавшие встретить семейный праздник на родине, бабушек и дедушек, уставших, но ужасно довольных, спешащих обнять внуков и детей. Из всей толпы выделялся высокий светловолосый мужчина. Он никуда не спешил, он нёс огромного, казалось, больше него самого медведя, который повис на нём так же, как я в далёком детстве висела на папе... Папа! Это же он! Папа, папа!

Я побежала туда, откуда, мне казалось, я должна попасть прямо к папе. Выйти я не могла. Я стала барабанить по стеклу руками. Мужчина повернулся, это был папа. Такой родной и любимый. «Вот оно новогоднее чудо», – подумала я. Мы жестам договорились о месте встречи, я побежала за мамой. До нового года оставались считанные минуты. Мама довольно быстро объясняла сотрудникам аэропорта, почему мы хотим покинуть данную зону.

В центре зала нас ждал папа с огромным медведем для меня и цветами для мамы. На установленном недалеко электронном табло начался отсчёт секунд до наступления нового года. Люди смотрели на нас и улыбались. Мы обнимались, и каждый думал об одном и том же: «Как же хорошо, что мы вместе, рядом. Мы настоящая семья». Это было ещё одно новогоднее чудо. Новый год – семейный праздник, и мы встретили его пусть и не дома, но, как и полагается, всей нашей дружной семьёй: папа, мама и я.

ВЛАДИСЛАВ САВУЛЕВ

10 лет, МБОУ ОЛГ Одинцово

Руководитель: Олеся Николаевна САВУЛЕВА

ПАПА, МАМА, Я – НАША ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

В первый класс когда ходил,
О семье проект учил.
Узнавали, создавали,
Потом дружно защищали.
Древо сделал я вначале,
Рассказал о папе, маме.
И немного о себе –
Как нам здорово в семье!
Папа – инженер-строитель
И проектных дел любитель.
Он больницы и дома
Возведёт вам на ура!
Папа любит джиппинг-спорт,
Тут ему всегда везёт:
На своём джип-вездеходе
Все преграды он пройдёт.
Папа добрый и весёлый,
Любит шутки он и смех.
Если вдруг кому-то плохо,
Он придёт на помощь всем.
Мама – инженер-дизайнер,
По делам ландшафтным – мастер.
Любит мама красоту
И работает в саду.
Ещё мама любит спорт,
Он её вперёд ведёт.
Всех нас к спорту приучает
И здоровья всем желает.
Вот в семье случился праздник –
Появился младший братик.

Валерия
Синякова,
12 лет,
Краснодарский
край

Подрастает командир.
Всех вовлѣк в свой детский мир.
Мы играем и гуляем,
Маме в доме помогаем.
Соберѣм игрушки, книжки –
Мы послушные мальчишки.
Ну, а сам я – ученик.
Я лениться не привык.
Школу я свою люблю,
С удовольствием хожу.
Там друзей своих встречаю,
Я их очень обожаю.
Спорт люблю я, тренируюсь,
Выступаю, соревнуюсь.
Летом – сборы и режим,
Тренировки и отжим.
А зимой – каток, коньки,
Лыжи, клюшка и снежки.
Организм мы закаляем
И здоровья прибавляем.
Папа плавать научил,
С папой дайвинг покорил.
Много нового узнал,

Дно морское изучал.
Мы на месте не сидим!
Познавать мы мир хотим!
Мест немало посетили,
Много нового открыли!
В Иордании мы были,
Город древний мы открыли.
Петри – это чудо-град!
Он историей богат.
Любим всей семьей на даче
Вместе время проводить.
Грядки прополоть, а после
Баньку вечером стопить.
Когда праздник Новый год,
К нам всегда спешит народ.
В этот День родился я!
Рада вся моя семья.
Полон дом гостей, друзей.
Всюду слышен смех детей.
Дед Мороз приходит к нам,
Он подарки дарит нам!
Есть девиз в семье у нас,
Он поможет в трудный час.
«Не сдаваться никогда
И вперед идти всегда!»
Папа, мама, брат и я –
Наша дружная семья!
Мы хотим, чтоб на планете
Были счастливы ВСЕ дети!

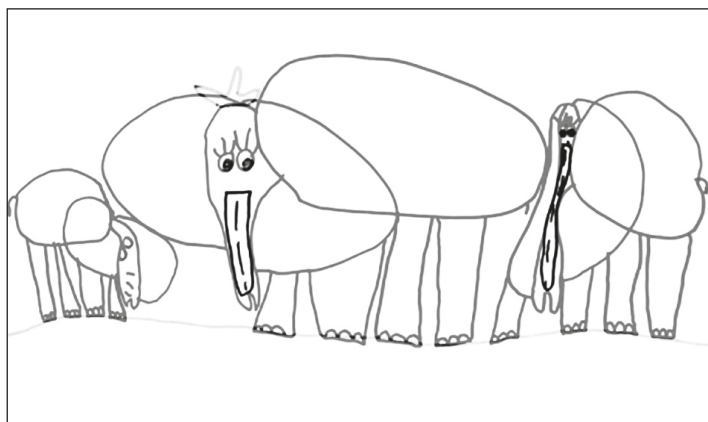

СОФИЯ МАСЛОВА

10 лет, ТОГБУ «Центр «Планета любви», Тамбовская область
 Руководитель: Ольга Анатольевна САМОРОДИНА

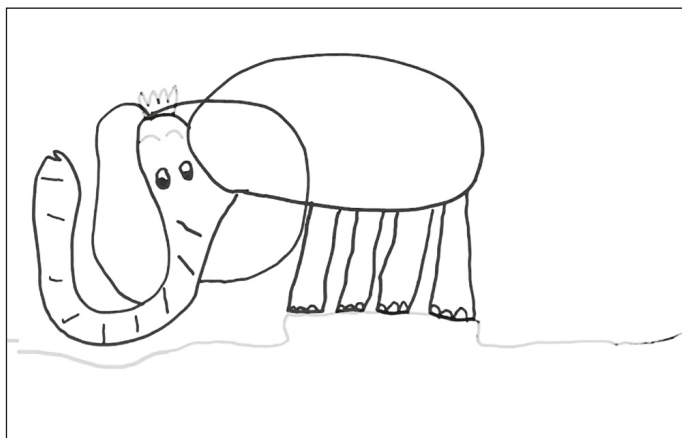
КАК СЕМЬЯ СПАСЛА ПАПУ

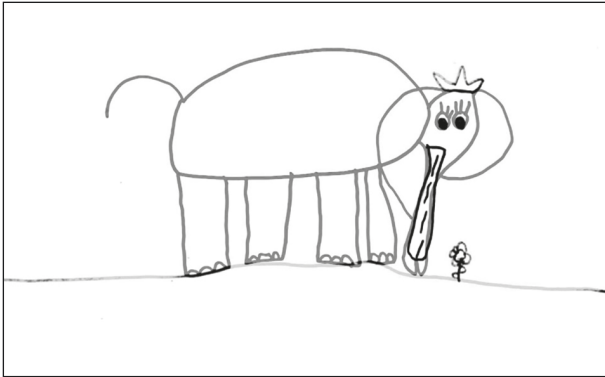
Сказка-рисунок Софии

Это не сон,
 это наш дом!
 Папа
 слон-король
 пытается
 сбежать!
 Мама слон
 пытается
 ругать!
 Ну, а я,
 слонёнок Ланя,
 Огорчаюсь,
 на них глядя.

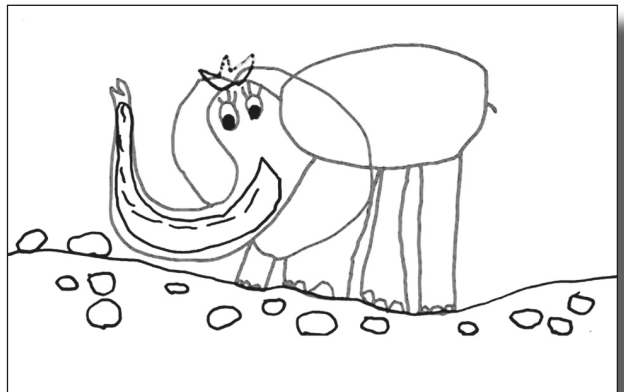
Слон сбежал,
 один теперь,
 Но куда идти?
 Где дверь?
 На распутье
 он стоит,
 У него
 смущённый вид.

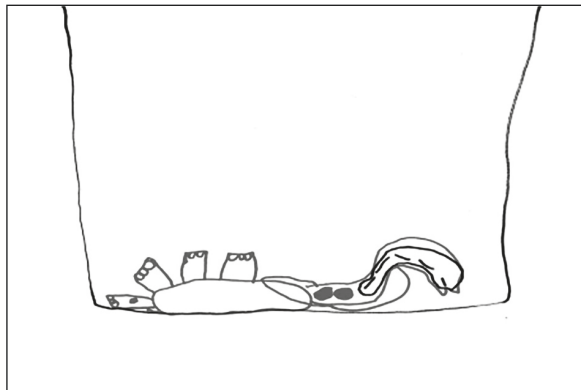
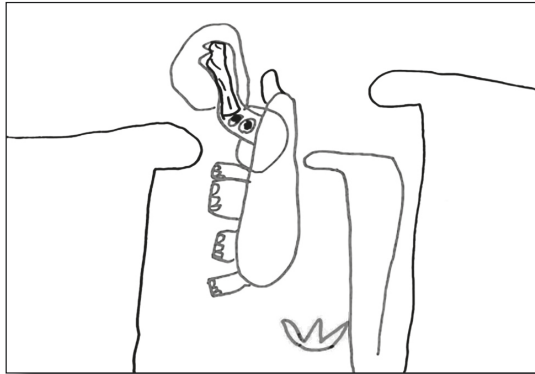
Вот цветочек
на пути,
Как бы мимо
не пройти!
И зачем
сбежал наш слон?
Сам не знает даже он.

Шёлк травы
сменили камни.
И дорога всё трудней.
Удивился папа-слон,
Путь его похож на сон.
Где он? Кто?
Король ли он?

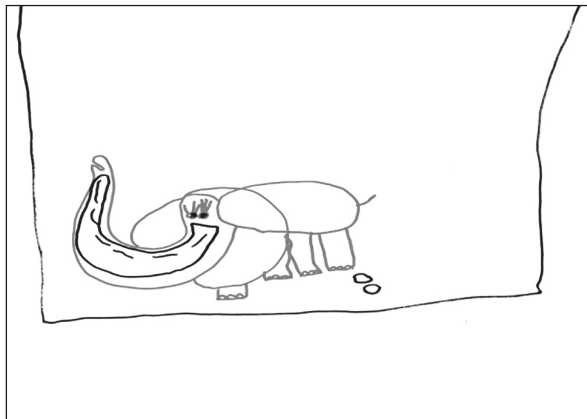
Сделал шаг
наш слон вперёд,
И отправился в полёт!
Камни сыпались
во след,
И короны уже нет!

Хобот стал
 воздушным шаром.
 Пар наполнил
 его жаром!
 Но слона не удержал,
 И наш слон
 на дно упал...

Вот уже лежит на дне,
 Распластался
 на спине.
 Хвостик он
 ногой прикрыл,
 Грустно хобот уронил.
 Что упал,
 наш слон не рад.
 Глаза «фарамы» горят.
 Как же
 выбраться со дна?
 Вряд ли
 хватит мне и дня!

О беде чтоб сообщить,
 Буду я родным трубить!
 Ланя, Саня, Маня, я,
 Мы ведь дружная семья!
 Выручайте, помогайте!
 И на помощь
 прибегайте!
 Мама, дочка,
 сын пришли –
 Пану своего спасли!!!
 Ура!

I Всероссийский литературный конкурс «Иван-да-Марья» для детей

Тема Конкурса: «Папа, мама, я – дружная семья».

Литературная премия – 200 000 рублей (Двести тысяч рублей).

Полная информация содержится на сайте

Издательского дома СветочЪ

<http://svetoch21.ru>

**Подписные индексы в Официальном каталоге
ФГУП «Почта России» (синяя обложка):**

«ИВАН-ДА-МАРЬЯ. Литературный журнал для семейного чтения»

Выходит 1 раз в месяц, 96 страниц, формат А5.

Подписной индекс – **П2123.**

Подписка в Онлайн: <https://podpiska.pochta.ru/press/П2123>

1 мес. 2018

131 руб. 44 коп.

Православная газета «Святой Покров»

Выходит 1 раз в месяц, 32 страницы, формат А 4.

Подписной индекс – **П2121.**

Подписка в Онлайн: <https://podpiska.pochta.ru/press/П2121>

1 мес. 2018

88 руб. 93 коп.

Подписаться на все наши издания вы можете
в любом почтовом отделении России,
а также оформить подписку в Онлайн.

